

Анна Петушкова

The book cover features a dark, atmospheric illustration. At the top, three figures are shown from behind, standing in a row. They are silhouetted against a lighter, cracked, parchment-like background. Red, vine-like tendrils emanate from their backs, swirling downwards. In the foreground, at the bottom center, is a small, mummy-like figure made of bandages, with two small, dark, circular eyes. This figure is surrounded by dark, gnarled, branch-like structures. The overall color palette is dominated by deep reds, blacks, and browns, creating a sense of mystery and horror.

МИФЫ АТАЛИИ И ПРЕДСКАЗАНИЕ ВЕДЬМЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

УМРЁТ ОДИН, УМРУТ ВСЕ ТРОЕ

Анна Петушкова

**Предсказание ведьмы.
Мифы Аталии 2**

«Автор»

2026

Петушкова А.

Предсказание ведьмы. Мифы Аталии 2 / А. Петушкова —
«Автор», 2026

Одна сестра просыпается в чужом теле. Другая просыпается, и на неё уже ведётся охота. Рин и Дарка поменялись телами. Рин, привыкшая к тому, что её слышат и уважают, теперь носит тело, которое весь мир хочет уничтожить. Дарка, всю жизнь бывшая добычей, получает разум, способный вскрывать чужие мысли, словно плод. Ни одна из них не знает, как быть другой. И выбора у них нет. С каждым днём столица становится всё опаснее. Аким вынужден столкнуться с проклятием, оставленным ему отцом, и с тем, во что оно его превращает. Пока Рин заперта в теле, которое её не слушается, Дарка узнаёт, что значит получить то, чего ей прежде даже не позволяли желать. Эта книга не новая. Цикл прошёл редактуру в два этапа. Из-за неё прежняя первая книга разделилась на две. В «Предсказание ведьмы» вошла вторая половина прежней первой книги, с середины до конца. Если вы читали цикл в старой версии, эти события вам уже знакомы. Пишу об этом прямо, чтобы никто не купил книгу в ожидании новой истории.

© Петушкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Осквернение	5
Глава 1. Рин	5
Глава 2. Рин	10
Глава 3. Рин	15
Глава 4. Рин	18
Глава 5. Легенда	23
Глава 6. Рин	28
Глава 7. Ночь	34
Часть II. Крушение	38
Глава 8. Морт	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анна Петушкова

Предсказание ведьмы. Мифы Аталии 2

Часть I. Осквернение

Глава 1. Рин

Рин казалось, что она умерла. Голову разрывало от яростной боли, будто кто-то вколачивал тысячу гвоздей. Дышать было тяжело. Да еще в ушах звенело от оглушительного грохота колёс. Рин попыталась открыть глаза, но увидела лишь цветные пятна на ярком свете.

Вдобавок её тело швыряло из стороны в сторону, будто повозка неслась по камням. Муне, пусть эта дорога ведёт к обрыву, чтобы можно было слететь вниз и умереть!

Сморщившись от боли, Рин опёрлась руками о влажный пол и натужно приподнялась. Ей казалось, что сидя трясти будет меньше, но стало только хуже. Она медленно приходила в себя, и звуки набирали громкость. К стуку колёс и скрипу повозки прибавился новый. Рядом кто-то плакал навзрыд. Горестные всхлипы казались тише грохота колёс и шума дождя, но отзывались мучительнее всего. Пытаясь успокоиться, Рин заставила себя дышать медленнее. Затхлый воздух не приносил облегчения. Из последних сил она осторожно согнула локти и снова легла.

Муне! Просто убейте меня, убейте прямо сейчас.

Боль накрывала с головой. Где Мянун? Нашёл ли он Дарку? Неужели артефакт не работал, и все её страдания напрасны?

Рин набрала воздуха, чтобы позвать на помощь, но не смогла издать ни звука. Горло обожгло. Её проглотила тьма.

Очнувшись она или нет, Рин не понимала. Но когда звуки вернулись, боль в голове немного отступила. Она приоткрыла глаза и уставилась перед собой на размытые тени в ярком свете. Всё остальное оставалось тёмным. Смотреть на источник света она не могла и перекатилась на спину. Пол дёрнулся и подбросил её, а когда она рухнула обратно, из неё словно вышибло последний воздух.

Проклятый Мянун!

Пусть горит в Инферно!

Мысли путались, но одно она помнила: Мянун. И Рин была совершенно уверена, что он пытался её убить. Всё, что она сейчас чувствовала, случилось по его вине. Всё из-за него и его проклятого артефакта. Она всегда знала, что доверять ему нельзя. Артефакт явно дал осечку: она понятия не имела, где Дарка. И хуже всего, ей не хотелось это знать.

Наконец она смогла сосредоточиться и осмотрелась. Потолок висел на расстоянии вытянутой руки, сколоченный из грубых досок, по краям которых ещё виднелась кора. Доски лежали вплотную, с тонкими щелями между ними. Там собиралась вода. Капли набухали, скапливались по наклонной, стекали по стенам.

С хриплым стоном Рин высвободила руку и потянулась к потолку, чтобы потрогать дерево и замерла. Ее рука. Вся в царапинах и синяках и кожа бледнее, чем обычно. На запястье браслеты. Дешёвые, набранные из бусин, такие Рин в здравом уме никогда бы не надела. Но где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что она их узнаёт.

Где она?

— Мянун? — Она приподнялась на локтях и огляделась, всё ещё морщась от яркого света.

Осмотревшись, она наконец поняла, что Мяуна нет. Она ехала в чём-то похожем на деревянный гроб. Причём дешёвый, грубо сколоченный. Внутри пусто: только она и ещё двое. Свечение больше не резало глаза, и Рин поняла, что оно идёт от двух Ясных. Разум просто раздул его до настоящего света.

Рин смотрела на них. Хоть убей, она не понимала, кто они и почему оказались с ней в гробу. Скорее уж, почему она оказалась вместе с ними. В голову лезла самая нелепая мысль: Мяун куда-то её оттащил и продал. Это было так смешно, что она рассмеялась, и голову прошило болью.

Рин снова легла: так легче было переносить тряску гроба. Она повернула голову и присмотрелась к двум Ясным. Ни один не смотрел ни на неё, ни вообще куда-либо. Они вцепились друг в друга: маленький мальчик свернулся у молодой женщины на груди, спрятав лицо. Похоже, скулёж, который слышала Рин, шёл от него. Он всё ещё всхлипывал, и его тельце вздрагивало. Женщина держала его одной рукой, другой цеплялась за борт повозки. Пальцы покраснели и, кажется, кровили от того, с какой силой она держалась. Голова опущена, глаза закрыты.

Мм... Рин чуть приоткрыла рот и снова огляделась. Её гроб оказался ящиком под мешки картошки или, судя по чёрным следам на полу, под уголь. Точно не для людей. Их куда-то везли. Дождь немного стих, и сквозь грохот колёс различался стук копыт и лошадиное ржание. Она моргнула. Сколько прошло времени? Последнее, что она помнила, это лавка Мяуна.

Разум отказывался понимать происходящее. Рин подняла руку, чтобы ощупать голову: она была уверена, что там рана. Браслеты звякнули на запястье. И наконец она их узнала: Дарка любила такие украшения.

С того самого дня, как сестра увидела танцующих ведьм на площади, она растеряла остатки и без того хрупкого вкуса и принялась им подражать. Постоянно носила браслеты и бусы, чтобы походить на ведьму. У Дарки была безумная идея стать частью их общины. Но зачем бы Рин их надела? Почему её рука выглядит иначе? Где-то глубоко внутри Рин догадывалась, что происходит, но поверить в это было слишком трудно. Мысль оборвалась: гроб подбросило на очередной кочке, и колёса хрустнули так, будто вот-вот отвалятся.

Когда ящик выровнялся, Рин глянула на Ясных и заметила странность. Вода, что собиралась между досок, скапливалась прямо над головой женщины. Она стекала тонкой струйкой, шла по уху и скатывалась по подбородку. Серое платье промокло, по нему уже расплзлось тёмное пятно. Капли падали тут и там, но в этом месте было хуже всего. И женщина всё равно не двигалась, будто её приклеили.

Рин прищурилась и рассмотрела её внимательнее. Старое серое платье, застёгнутое под горло, у ворота едва заметная вышивка. Поношенное, подол явно в засохшей грязи. У колен оно задралось, открывая бледную кожу и ноги в лаптях, зашнурованных до икр. Стоило Рин увидеть лапти, и развидеть их уже не получалось. На мальчике были такие же. *В каком веке живут эти люди? Кошмар.*

Она конечно знала о существовании лаптей, но только потому, что дома один из отцовских солдат плёл их в свободное время. И даже он потом обшивал их тканью, чтобы в них можно было ходить.

На следующей кочке гроб снова дёрнулся, и Рин застонала от боли. *Ради всего! Здесь вроде не картошку везут?* Ей и без того было невесть как... Волосы упали ей на лицо. Она уже собралась их убрать, но заметила цвет. Она поймала прядь и рассмотрела. Длинная светлая прядь, куда мягче её собственных волос.

— Жи-и-ива-ая? — заикаясь, произнёс мальчик. — Вы, вы жи-и-ивая? — спросил он, отрываясь от груди женщины и поворачивая к ней заплаканное лицо.

Глаза так опухли, что он едва видел. Маленький нос покраснел.

Рин всё ещё держала светлую прядь. Отрицать происходящее стало невозможно. Браслеты на запястье, юбка, странная безрукавка, которую Дарка любила надевать поверх сорочки. Рин отпустила волосы и потянула вперёд безрукавку: на ней был изображён ворон. У сестры всегда был сомнительный вкус и любовь ко всему жуткому.

Она точно была в теле Дарки. И понятия не имела, как это вообще возможно.

— Вы-ы в поря-адке? — снова спросил мальчик, когда молчание слишком затянулось.

Рин медленно кивнула. Он громко шмыгнул носом и закрыл рот, глядя на неё с отчаянием. Молодая женщина рядом тоже смотрела на Рин.

— В порядке. Кажется... — Рин всё ещё не могла поверить, что она в теле Дарки.

Она разглядывала свою одежду, руки и наконец левую ладонь. Как и на её собственной, здесь был шрам. Только другой формы. У неё самой он шёл через всю ладонь белым выпуклым рубцом. У Дарки это были три расходящиеся линии, ещё чуть розовые, будто так и не зажили как следует. Если соединить концы, получился бы треугольник... с линиями внутри... Око Исиды... Рин никогда не замечала, что шрам Дарки повторяет Око Исиды. Она никогда не приглядывалась.

Ха... Она сжала кулак и снова перевела взгляд на мальчика. И прошептала, голос вышел хриплым:

— Эй, мальчик!

— Зоар.

— Зоар, ты целитель? — спросила она, и каждое слово обдирало повреждённое горло.

Рин сглотнула, и от этого стало только хуже. Она чуть подалась вперёд, опираясь на руки, и медленно задышала. Если они целители, почему не исцелили её?

Мальчик уставился на неё, опять громко шмыгнул носом, кивнул и добавил:

— Я б-б-брат А-Аси.

Мысленно сложив одно с другим, Рин перевела взгляд на молодую женщину. Даже после того, как мальчик отстранился, та не сдвинулась с места. Раньше Рин могла бы это оправдать: наверное, женщина не хотела тревожить ребёнка. Теперь оправданий не осталось. Какое-то странное самоистязание, не иначе.

— Исцели меня, — прошептала Рин. На большее её не хватило.

Мальчик вытер нос тыльной стороной ладони и пополз к ней на четвереньках. Ясная вдруг дёрнулась, будто очнулась от транса, рванулась вперёд и схватила его за лодыжку, глядя перед собой широко раскрытыми глазами. Она замотала головой и потянула его обратно к себе.

Какого хре... Какого лица она вытворяет?

— Исцели меня немедленно! — приказала Рин, нахмурившись. Голос звучал натужно.

Разве не видно, что её избили до полусмерти? Почему они не исцелили её без просьбы? Что вообще происходит? Разве они не Ясные, те, кто помогает всем нуждающимся? Она нуждалась. А они выглядели целыми, ни царапины.

— Прости, Дарка! — сказала Ася, крепче прижимая к себе мальчика. — Но эти люди, вдруг им понадобится наша сила? Если Зоар потратит её всю на тебя, они... я не знаю, что они сделают. Нам не велели тебя исцелять...

Рин смотрела на неё с изумлением. Может, она так приложилась головой, что теперь слышит бред женщины со свечением Ясной? Надо же до такого додуматься! Ася не хотела тратить силу на Дарку, чтобы приберечь её на случай, если она понадобится похитителям. Всё это было настолько нелепо, что не укладывалось у Рин в голове. Эгоистично и самоотверженно разом: беречь силу для тех, кому она не нужна.

Рин обхватила шею и помассировала, надеясь унять боль в горле. Без толку. Ей нужно было, чтобы её исцелили. Она склонила голову, готовясь к очередной кочке, и ящик трянуло. И почувствовала как внутри нее медленно нарастает раздражение.

— Этому тебя учит Исида? — ядовито прошипела Рин. Ася вздрогнула, явно не понимая, о чём речь. — Отказывать в помощи своей же Ясной ради тех, кто хочет тебя убить?

Никто не ответил. Зоар смотрел на сестру, ожидая её решения. Он вытер нос и пробормотал, что не против исцелить Дарку.

— Исцели меня! — хрипло прошептала Рин, каждое слово было едва слышно. Она потянулась к ним, глядя Асе в глаза. — Или скажи, ты бы предпочла исцелять тех, кто нас похитил, а не собственного младшего брата?

По лицу Рин скользнула кривая усмешка. Ясные-лицемеры — для неё это было новостью. Ася не стала оправдываться и вообще ничего не сказала, просто смотрела на Рин в ответ.

— У меня хватит силы на всех, — заверил сестру мальчик и снова отстранился.

Он подполз к Рин и протянул ладони, исцеляя её. Их окружало слабое свечение Ясных. Рин замерла, прислушиваясь к ощущениям внутри себя. И вдруг почувствовала себя легче: горло перестало болеть, головная боль отступила, по телу разлилось тепло.

Она не сводила глаз с Аси. Женщина, всё такая же растерянная, пошевелилась и села ровно на то же место, где струйка воды уже сменилась редкими каплями. *Вот чудачка!*

Боль уходила, и Рин закрыла глаза, позволив себе почувствовать себя лучше.

Закончив, мальчик поспешил обратно к сестре и спрятался в её объятиях, свернувшись клубком. Рин лишь проследила за ним из-под полуопущенных ресниц.

Мысли теперь текли свободно. Она подняла взгляд к потолку. Между потемневших досок всё ещё сочилась вода, хотя дождь прекратился.

Она была в теле Дарки.

Артефакт сработал куда лучше, чем она ожидала. Она нашла тело сестры, а Мяун нашёл её потерянную душу. Настолько точно, что верилось с трудом.

— Дарка, — вдруг раздался голос Аси. — Почему ты такая... — Она говорила неуверенно, будто сама не знала, что собирается сказать.

Рин не стала вслушиваться. Ей вспомнились слова Ары: *«Ноша не на младшей. Она на тебе»*.

Дарка

После сильного дождя от земли поднималась лёгкая дымка. Лужи поблёскивали, отражая бледный свет затянутого тучами неба. Дождь кончился какое-то время назад, но шум остался: крупные капли, собравшиеся на окнах и навесах, медленно и звучно падали на землю.

Иса словно умерла вместе с дождём. Ни повозок на дороге, ни танцев на площади, ни криков на улицах. Все так испугались промокнуть, что попрятались по домам. Или боялись боли Исиды. Улицы стояли пустые.

Дарка сидела за столом, закутавшись в тёплый свитер. Она пустым взглядом смотрела через открытую витрину на улицу и молча молилась. Мать когда-то говорила ей, что дождь священен. Он приносит жизнь и заканчивает засуху. Так Исида являет людям свою милость. А иногда, если молиться достаточно горячо, сам дождь показывает, что Исида услышала и пришла на помощь. Она рядом, мы не одни.

В этот раз Дарке отчаянно нужна была помощь... Может, Исида услышит её мольбу и поможет? Дарка не могла не вспомнить, какой ливень шёл в день, когда убили её отца. Она закрыла глаза, сложила руки на груди и слегка покачивалась.

В лавку скользнул лёгкий ветер, принёс запах мокрой земли и первое дыхание осени. Осень всегда пахла сыростью и теплом камина, и вместе с этим вспоминались уютные шерстяные носки. В голове всплыли лучшие моменты детства. Они впятером собирались за горячим

чаем прямо на ковре в малой гостиной. И вместе встречали первый холодный день. Даже Рин садилась на пол и улыбалась вместе со всеми.

Дарка судорожно вздохнула.

За спиной слышалось бормотание Мяуна. Она обернулась, пытаясь разглядеть его между полок. Он уже давно ползал по полу, разыскивая осколки какого-то разбитого артефакта. Когда Дарка спросила об этом, Мяун тут же заверил её, что ничего не разбилось и всё под контролем. Но она уже неплохо его знала: так убедительно он звучал только когда врал.

При этом Дарка не понимала, зачем он вообще врёт? Даже если он что-то разбил, кому какое дело? Разве это сейчас важно?

Она мягко улыбнулась, когда наконец его увидела: он лежал на грязном полу и пытался что-то достать из-под одного из стеллажей. Мяун был такой смешной.

Она всё ещё чувствовала его руки, обнимавшие её, когда она очнулась в теле Рин. Ей было страшно, она рыдала почти час, а он не оттолкнул её. Он гладил её по голове и шептал что-то хорошее. Она толком ничего не слышала, но тон успокаивал.

Наверное, это и не дало ей развалиться на части. От горя, от мысли, что Мокши может больше не быть. Тот человек с чудовищной силой швырнул его о стену. Дарка зажмурилась, пытаясь всё забыть, но картина так и стояла перед глазами. Как Мокша прыгнул на огромного охранника, как тот схватил его, оторвал от себя и швырнул о стену. Мокша успел только тихо пискнуть...

Муне... Исида...

Пусть он будет жив...

Последнее, что видела Дарка, это как маленькое тело её лемура сползло по стене и обмякло на полу серым комочком.

Она сжала кулаки.

Её маленький Мокша, обжора и лентяй. Он любил играть с мячиками и спать. Он никому не мешал.

Она сложила руки на столе и в тихой мольбе обратилась к Исиде, к Муне. Ей было всё равно, какой бог услышит, лишь бы услышал хоть кто-то... Только пусть Рин и Мокша вернуться к ней домой.

Глава 2. Рин

Ася обнимала брата и раскачивалась взад-вперёд, напевая себе под нос, видимо, чтобы успокоиться. Или чтобы успокоить Зоара. Трясти стало сильнее, и колесо с той стороны, где сидела Рин, разболталось. На каждой кочке оно скрипело так, будто едва держится и вот-вот сорвётся с оси.

Казалось, они едут целую вечность. Борта тесной повозки давили и не давали дышать. Иногда на особенно сильных ухабах Рин билась головой о крышу. Теснота была невыносимой, и чем дольше они ехали, тем больше ящик, в котором они сидели, походил на настоящий гроб. Пространство будто сжималось с каждой минутой.

Время от времени Рин упиралась ладонью в дверцу и толкала её. Та поддавалась лишь чуть-чуть, приоткрывая щель, мешал засов, закреплённый снаружи. В просвет была видна только грязь, летящая из-под колёс.

Похитители явно куда-то торопились. И, судя по всему, их мало заботило, переживут ли пленники дорогу.

Рин закрыла глаза и вцепилась в стенку ящика так же, как раньше Ася, только чтобы удержаться на месте. Нужно было на чём-то сосредоточиться, пока голова не взорвалась и не началась паника. Ничего не приходило на ум. Разве что... если Дарка слышала похитителей или хоть примерно поняла, куда их везут, она сможет привести Акима. Да, эта мысль помогала забыть о невыносимых условиях. Рин улыбнулась, представляя, как брат и Калабхити убивают тех, кто снаружи, одного за другим. Их лиц она не знала, поэтому в её воображении все они казались одной размытой фигурой мужика-медведя... Стоило ей представить, как брат опускает меч на голову этого мужика, как череп прошило болью.

Рин заскулила и опустила голову на колени, сдерживая крик, не понимая, что произошло. Мальчик её исцелил, всё было хорошо, откуда тогда эта боль? Она сделала пару вдохов, и в голове немного прояснилось. Она медленно подняла подбородок и посмотрела вперёд. Ящик вдруг мотнуло вбок так, что её отбросило к стене. Потом что-то треснуло. Дико заржала лошадь.

Повозку повело набок. Рин выставила руки, чтобы удержаться, и огляделась. В полумраке на неё смотрели испуганные глаза Ясных. Прямо рядом с Рин что-то громко хрустнуло. Под ней что-то шевельнулось. Она инстинктивно закрыла голову руками и вскрикнула, когда её швырнуло в сторону и с силой впечатало в борт повозки. Сверху на неё упала чья-то нога.

Какое-то время никто не двигался. Рин пыталась прийти в себя и ждала, когда боль отпустит ушибленный локоть. Такой сильной боли она никогда не испытывала. В детстве худшим была шишка на голове или разбитая при падении коленка. Но это быстро проходило. Папа дул на ранку и называл её своей воительницей, а потом мама заставляла Дарку тренировать исцеление на Рин.

Забавно: она помнила, как младшая сестра радовалась каждый раз, когда она или Аким получали травму. Дарка смеялась и визжала от восторга, бежала к ним и требовала, чтобы ей разрешили их исцелить.

— Блядь! Блядь! Блядь! — заорал снаружи грубый голос, и что-то с силой ударило по крыше.

Повозка содрогнулась и просела. Рин оперлась на здоровую руку, выбираясь из-под ноги Аси, и попыталась сесть. Их гроб накренился и ушёл в землю, внутрь через пол просачивалась мутная вода с густой жижей. Локоть горел от боли, будто его вывернули наизнанку. Она осмотрела больную руку и медленно ощупала её. Рука цела, ни царапины. Рин была в недоумении. Откуда тогда такая сильная боль?

Мальчик выл, и голос его стал таким громким, что привлёк всеобщее внимание.

— Больно. Больно, — беспрестанно всхлипывал он.

Рин кое-как обернулась. Зоар сидел за Асей и держал себя за руку. Его рука была вывернута внутрь и распухла, по ней текла кровь. По спине Рин пробежал холодок. *Ася ведь его исцелил?* Рин перевела взгляд на сестру мальчика. Та зажала рот ладонями и смотрела на брата.

— ЗАТКНИСЬ НАХРЕН! Твою мать! — рывкнул раздражённый голос, и сапог пнул ящик прямо рядом с ними.

Повозка чуть качнулась, но не сдвинулась.

Рин зажмурилась и втянула голову в плечи, цепенея от злого голоса.

Мальчик икал сквозь слёзы и захлёбывался ими. Но кричать перестал. Ася сидела рядом, смотрела на его руку и не двигалась. *Она же не может ему не помочь. Или может?* Рин не верила, что Ася способна на такое равнодушие. Если бы Рин умела, она бы уже его исцелила. Зоар сглотнул слёзы и умоляюще посмотрел на неё.

— Исцели его, чего ты ждёшь? — прошипела Рин Асе.

Собственная рука Рин пульсировала всё сильнее, пока она смотрела на мальчика, ровно в том же месте. Она сжала её выше локтя. *Что происходит?*

— Я... я... — голос Аси дрожал. Она мотала головой.

Не может быть...

— Дарка... Если исцелить его так, рука никогда не будет работать как надо.

Точно. Логично, что сначала нужно её вправить. Рин видела это дома: раны всегда сначала обрабатывали, вывихнутые конечности вправляли и только потом сестра или мать их исцеляли.

— Давай, — сказала Рин, кивнув ей. — Вправь.

Но Ася замотала головой, в ужасе отшатнулась и прикрыла рот.

Снаружи становилось шумнее. Рин не различала голоса, но людей там точно было больше трёх. Они ругались из-за повозки и лошади. Голоса звучали со всех сторон, и на миг показалось, что их сотни.

— Я не могу, не могу, кости вправляют лекари, мы только сращиваем, — сказала Ася.

Зоар всё захлёбывался слезами. Сглатывал, шмыгал носом, баюкал руку. Рин потянулась к нему, велев Асе отодвинуться. Чем ближе она подбиралась к мальчику, тем сильнее пульсировала боль в её собственной руке. Странно! Что происходит? И тут до неё вдруг дошло: Дарка всегда знала, у кого что болит. Рин просто считала это странным даром Ясных и особо не задумывалась. Ей и в голову не приходило, что сестра попросту чувствует чужую боль своим телом. И это было жутко.

Рука Зоара казалась такой маленькой и хрупкой. Рин потянулась к ней дрожащими ладонями, но стоило ей коснуться руки мальчика, как тот зажмурился и заскулил. Рин отдернула руки и застыла. Ася подползла ближе, обняла его сзади, поцеловала в макушку и зашептала что-то успокаивающее, какую-то чушь о том, как они вместе пойдут в Храм Исиды. Потом подняла лицо к Рин и кивнула, крепко удерживая мальчика. Он открыл глаза и следил за тем, что делает Рин.

Она пару раз видела, как вправляют кости, но при мысли сделать это самой её замутило. Некоторое время Рин молча сидела, не шевелясь. Мальчик всхлипывал. Ася, не говоря ни слова, укоризненно глядела на Рин. Снаружи возбуждённо орали друг на друга их похитители. Шло время. Наконец, собравшись с духом, Рин резко схватила руку Зоара и потянула. Он закричал, и она тут же отпустила. Её собственную руку прошило болью. А потом её всю окутало теплом: в тот миг рука мальчика стала для неё важнее всего остального. Она увидела, как на её ладонях появилось слабое свечение Ясных. Мальчик затих, и вместе с болью, уходящей из руки Рин, расслабился и он.

Когда боль ушла, Рин осела назад и уставилась на свои ладони: они светились так же, как когда-то руки её матери. Она задержала дыхание, не в силах поверить в увиденное. Рин все-

гда мечтала о такой силе. Она казалась чем-то невероятным, будто внутри неё пряталась сама жизнь. И теперь Рин позволили прикоснуться к её частице. Она тепло улыбнулась. Выдохнула и подумала: стала ли она ближе к матери? Если позвать её, придёт ли она?

— Эй! Вы там не сдохли? — окликнул их грубый голос, и кто-то постучал по гробу. Рин вздрогнула и опустила руки.

— Выпусти их, пока чинишь, — сказал кто-то и отошёл.

На эти слова, похоже, остальным похитителям было наплевать: к дверце гроба никто не подошёл. Но в Рин затеплилась надежда: если она выйдет, то увидит, сколько там людей и сколько лошадей. По правде, ей нужна была всего одна хорошая лошадь, и тогда её не догонят.

Она осторожно повернулась, упираясь ладонями в доски, и поползла к дверце, чтобы заглянуть в щель. Но стоило ей перенести вес к внешнему углу, как гроб застонал и качнулся. Снаружи кто-то закричал и отскочил в сторону, Ася и Зоар опрокинулись и рухнули на Рин.

Снаружи полилась такая грязная ругань, что у неё волосы на затылке встали дыбом. Чавкающие шаги прошлёпали по луже.

— Какая сука это сделала? Я из каждого душу вытрясу.

От этого голоса её бросило в дрожь. Каждое слово пробирало до костей. Она вдруг поняла, что не может ни вдохнуть, ни заставить себя двигаться, ни думать. Руки застыли, горло сдавило от страха, и всё, на что её хватило, это отползти за спины двух Ясных, пока мужчина шёл к дверце. Она вжалась в дальний угол гроба и в оцепенении смотрела на дверцу. Сердце колотилось в груди, в горле пересохло.

Кто-то пытался открыть дверцу и не мог: крюк оказался с той стороны, на которую завалилась повозка. Ему пришлось опуститься на колени прямо в грязь. И Рин, не в силах отвести взгляд, видела его в щели между досок. Чёрную одежду. И глаза. Его глаза оказались прямо напротив одной из широких щелей. Отвернуться она не смогла. Рин была уверена, что видит его впервые, и всё же точно знала, на что он способен.

Потом он поднял взгляд, встретился с ней глазами, и из его рта вырвался хриплый смешок. Ком в горле Рин вырос так, что стало нечем дышать.

— Открывайся, блядь! — заорал он.

Когда у него не вышло ни открыть дверцу, ни дотянуться до крюка в грязи, Рин немного отпустило.

— Хватит! Открой эту проклятую дверь. Живо, — приказал кто-то.

Рядом с громиллой встал другой мужчина. Рин видела только его силуэт выше пояса. Его голос вывел её из оцепенения. Это был не тот голос, который вызвал дрожь во всём теле. Но этот голос она знала. В этом она была уверена.

— Просто вырви крюк. Дверь откроется. Вы двое, взяли за ящик и подняли.

Он говорил спокойно, тоном человека, привыкшего приказывать. В его голосе проскальзывало снисхождение.

Рин напряжённо думала, но не могла вспомнить, откуда его знает. Может, его знала Дарка? Что-то в её памяти отзывалось на этот голос.

— Нас убьют, как убили Амши и Арги? — спросил Зоар тонким голосом.

Он смотрел на Асю и был на удивление спокоен, спрашивая об этом. Рин нахмурилась, когда его сестра улыбнулась ему и покачала головой.

— Конечно нет, — прошептала она. — Если мы просто... будем делать всё, что они скажут... не станем сопротивляться... всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Делать, что они скажут? Эти слова разожгли в Рин такую ярость, что захотелось схватить эту Асю за плечи и заорать ей в лицо. Сопротивляться не просто можно, это единственный путь. Никто не придёт их спасать, если они сами не будут за это драться. Боги не слышат тех, кто не готов отчаянно цепляться за собственную жизнь. Те люди снаружи похитили их и избили Дарку. Они не пощадят Ясных только за то, что те молчали.

Мальчик улыбнулся и даже перестал дрожать, кивая Асе. Он, похоже, верил каждому нелепому слову.

— Если умного сказать нечего, лучше молчи, — резко произнесла Рин вполголоса.

Ася и Зоар удивлённо повернулись к ней. Ответить они не успели: повозка затряслась.

— На три! Раз, два... — Двое держали повозку за борт, пытаясь поднять.

Рин снова впиалась взглядом в силуэт похитителя за дверцей. Каждый его вздох, каждое кряхтение, каждое движение его крупного тела вызывали у неё оцепенение. Впервые в жизни она так сильно реагировала на человека. Злилась она в жизни много раз, но испугалась так сильно впервые.

Ящик чуть сдвинулся, и мужчины выдернули крюк. Дверца распахнулась с такой силой, что ударилась о борт снаружи. Внутри хлынул дневной свет вместе с порывом холодного ветра. Он слепил, и какое-то время Рин видела только этот свет и стоящую в нём тень. Лицо она разглядела, только когда глаза привыкли.

В тот миг, когда она встретила с ним взглядом, в голове стало пусто, а тело парализовало. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах поверить в увиденное. Её нога была вытянута и оказалась в пределах его досягаемости. Рин хотела её подобрать, но не смогла заставить себя пошевелиться.

Его маленькие, глубоко посаженные глаза горели ненавистью. Лицо покрывала густая неряшливая щетина. Он был в кителе стражника со споротыми знаками отличия и в грязной белой рубаше. Громила уставился на Рин. А потом презрительно выдал: «Пфу!».

Она дёрнулась, и, будто получив именно ту реакцию, которой добивался, он наконец заговорил, наклонившись и опершись рукой о край ящика.

— Вылазь! Все вылазьте! Живо задницы подняли, а то сам вытащу!

Первым двинулся Зоар. Он полз на четвереньках, каждое мгновение испуганно косясь на громилу, и пригибался, будто ждал удара. Стоило мальчику показаться в дверном проёме, как громила выбросил руку, поймал его за шиворот и вышвырнул из повозки в грязь, как щенка.

Ася полезла сразу за Зоаром. Она шепнула «Быстрее, Дарка!» и тут же была схвачена громадной рукой похитителя. Громила схватил Асю за волосы и впечатал лицом в дорожную грязь.

Рин, не выдержав, отвернулась. С ними обращались как со свиньями. Нет. Хуже. В Крепости Сонах даже со скотом обращались лучше. В горле стоял ком, и будь в желудке Дарки хоть что-то, Рин бы уже вырвало. Она сидела, прижавшись спиной к деревянной стенке гроба, с вытянутой ногой. И не двигалась, хотя внутри у неё все кипело от гнева.

Грохот. Повозка содрогнулась, дерево застонало от удара могучим кулаком, а следом раздался громовой голос.

— Считаю до двух, сука, или я тебя сам вытащу!

Рин вдохнула и заставила себя, опираясь на руки, сдвинуться вперед, но не прошло и минуты, как в гроб заглянула бородатая рожа громилы. Рин прохрипела что-то невнятное, когда он сунул руку внутрь и схватил её за ногу.

— Два!

Рин взвизгнула, когда ногу с силой дёрнули. Она проехала по грубым доскам, юбка зацепилась за щепку, её мотнуло назад, и она чуть не приложилась головой о пол. У самого края он схватил её за волосы и вытащил наружу. Он придвинул лицо вплотную, прищурился, и её обдало тошнотворной вонью: чеснок и что-то гнилое.

Сердце бешено колотилось в груди.

И, Муне, ей было страшно. Настолько, что она не могла шевельнуться.

— Хе-хе-хе... гляньте-ка. Тебя знатно подлатали.

Рин с отвращением отвернулась. Он схватил её за волосы и повернул обратно к себе, и когда она с ненавистью и страхом посмотрела прямо на него, в его взгляде была похоть. Зубы у него были жёлтые, а запах такой, будто он их сроду не чистил.

— Значит, мне будет веселее, хе.

— Отпусти её и подними эту проклятую повозку. У нас нет времени.

Громила скривился, но не отвёл взгляда от Рин, которая так и не смогла выдавить ни слова, только хваталась за волосы там, где он их сжимал, и смотрела на него. Он мерзко оскалится, притянул её к себе и прижался носом к её голове. Вдохнул её запах и вдруг резко отшвырнул так, что Рин поскользнулась и упала на дорогу. Мокрая грязь облепила ладони, ноги промокли, юбка утонула в жиже. Она с трудом поднялась на дрожащих руках.

Странно, но всё, на чём Рин смогла сосредоточиться, были эти дурацкие браслеты на тонких руках сестры. Именно они помогли ей собраться и стряхнуть оцепенение. Она была в теле Дарки, и как старшая сестра Рин должна была её защитить. Она не могла позволить себе тратить время на страх. Нужно было думать и искать способ сбежать.

Любой.

Рин приподнялась, опираясь на руки и утопая в грязи. Перевернутый гроб громоздился прямо перед ней, наполовину увязший в раскисшей дороге, с перекошенными бортами. По боку зияли щелями треснувшие доски. Задняя дверца хлопала на ветру, рядом скрипели сломанные колёса, вращаясь всё медленнее и разбрасывая в воздух жидкую грязь. Лошадь всё ещё была впряжена в повозку и лежала на боку со сломанной ногой. С оглушительным ржанием она дёргала головой, натягивая поводья, била в воздухе здоровым копытом.

Рин напряженно застыла, глядя на черную спину лошади, облепленную бурой грязью. В ее голове крутились мысли о том, как сбежать отсюда. Ведь ей понадобится лошадь. Рин потянулась, пытаясь сесть и ее ногу внезапно пронзила резкая боль. Она опустила взгляд и провела рукой. С ногой всё было в порядке. Стоило отвести взгляд от лошади, боль исчезла.

Сглотнув, Рин медленно повернула голову, оглядываясь и вдыхая воздух. Дождь уже почти прекратился. Только мелкая морось колола лицо, оседала на ресницах и холодными каплями сползала по щекам. Небо забило тяжёлыми тучами, обещавшими непогоду до самой ночи, а может, и до утра. Дорога превратилась в кашу. По обочинам тянулась дикая трава, побитая ветром. Она высохла и поредела, прижатая к самой земле. Вдалеке по одну сторону чернел лес, по другую белела берёзовая роща.

От Исы они явно уехали далеко. Рин даже приблизительно не знала, где они находятся. Ни намёка на деревню или село. Солнце давно перевалило за полдень и клонилось к горизонту, его диск едва угадывался за облаками. Рин чувствовала, как ее медленно охватывает отчаяние. Как же она сбежит отсюда, если даже не знает, где они и в какой стороне Иса?

Глава 3. Рин

— Иди помоги им!, — послышался голос.

Сообразив, что всё ещё сидит в грязи, Рин медленно поднялась. Она вытерла руки о юбку и глянула на Ясных.

Оба уже отошли с дороги на траву. Ася вытирала лицо подолом юбки, а закончив, тем же подолом помогла брату вытереть лицо и руки. Всё молча, не издав ни звука. Ясные не разговаривали друг с другом. *До чего же печально! И до чего жалко!* Это стремление всю жизнь держать голову опущенной. Рин смотрела на них, выпрямившись, подняв подбородок. Больше всего было понимать, что и сама она недалеко ушла от них.

Слабая.

Женищина, которой положено сидеть и ждать, что её защитят.

У неё в ящике стола лежало кольцо дома Сонах. Если бы она до него добралась, то выпустила бы ворона и обрушила мощь Сонах на всех... Рин вдруг услышала голос позади себя и резко обернулась. Сердце замерло. Дождь ударил сильнее, и сквозь капли воды она увидела его. Этого человека она никак не ожидала здесь увидеть, но теперь это походило уже не на случайность, а на проклятие.

Блуд Фурина. Он стоял в стороне от повозки и держал лошадь под уздцы. С бесящим спокойствием он смотрел, как люди в форме стражи пытаются поставить гроб на место. Ему явно было скучно.

Это уже не судьба.

Он даже форму не сменил: чёрная, со знаком Ордена Исы на груди и офицерским знаком ранга на плече. С одной стороны пояса крепился меч в ножнах, с другой длинный кнут.

В Аталии Орден Исы был законом. Офицеры Ордена верно служили королю, даже если в глубине души не верили в его идеологию. И теперь Фурина, офицер Ордена Исы, гордо стоял на фоне серого неба и грязной лесной дороги, среди преступников и убийц, и тем самым будто кричал о своём предательстве королевства. Похитить Ясных, угрожать их жизням, когда они под защитой закона, это прямой вызов королю. Но Фурина даже не выглядел встревоженным. Ему было скучно. В какой-то момент он зевнул и потёр глаза, смахивая с лица морось. Его одежда вымокла, но для Рин этого было слишком мало, чтобы почувствовать хоть каплю удовлетворения.

Он похитил её маленькую беззащитную Дарку.

Блуд, похоже, не замечал взгляда Рин. Ни разу на неё не посмотрел. Наверное, ему было всё равно теперь, когда она в теле Ясной.

Ей понадобилась минута, чтобы понять, какой дурой она была всё то время, что знала его. Она играла с ним, строила какую-то детскую месть, считала его обычным хамом. Хотела указать ему на его место и заставить пожалеть, что он посмел отнестись к ней без уважения. Беда в том, что с самого первого дня он не прятал от неё своё настоящее лицо. Всё сказанное им тогда мгновенно вспыхнуло в её голове. Все их проклятые встречи. И теперь смысл этого бил вдвойне сильнее.

Он говорил, что некроманты хотят власти, пусть ей это казалось шуткой, но ведь говорил. Он говорил, что Нежить на королевство навели Ясные. Он говорил, что их благополучие построено на крови Ясных...

Он говорил...

Рин сглотнула.

Нет.

Она мотнула головой, всё ещё не в силах поверить. Она его в какой-то мере ненавидела, но и представить не могла, что он способен похитить её сестру. Теперь всё было ясно. С начала,

с самого начала... У его приятелей была эссенция Ясных. В старые времена её использовали повсюду. Некроманты принимали её, чтобы восстановить силы и почувствовать себя живыми, когда собственные силы угасали. Сохранились записи, что она давала видения и приносила удовольствие.

Тогда, когда Ясные были имуществом, их продавали и убивали, чтобы артефакторы делали эти эссенции.

У Рин был шанс рассказать о нём Морту, и она упустила его в глупой детской злости.

В голову забрались слова Ары, закружились и разрослись в ураган: *«Блуд, ты был кармой многих»*.

Почему ей вспомнились слова, сказанные Блуду, а не ей, Рин не знала. Тогда Ара предупредила Блуда, что он вот-вот перейдёт черту. И если он был причастен к убийствам других Ясных, то отнюдь не подходил к черте. Он ушёл за неё так далеко, что не заслуживал прощения.

Поэтому здесь и сейчас, посреди грязной дороги, униженная, но не сломленная Рин выпрямилась и дала обещание — клятву, себе и богам.

Именем Муне она поклялась, что станет его погибелью. Она никогда ему этого не простит. Он заплатит самым мучительным образом. Взгляд Рин горел. Ярость поглотила всё. И, Муне. Она стиснула пальцами подол юбки.

Стоило ей представить, как она сжигает его заживо, боль ударила в виски.

И всё равно она смотрела на Блуда, не обращая на внимания на эту боль.

Высокий, широкоплечий, по-своему красивый. В дорогой одежде, с выправкой воина. Да, теперь Рин видела, чем он привлекает. Раньше, в пылу злости, она считала его уродливым ничтожеством. Но теперь она понимала, почему пошла за ним и почему её к нему тянуло.

В конце концов, жалкие человеческие души тянутся друг к другу.

Ха...

— Что такое, милая? — спросил чей-то голос.

Рин заставила себя перевести внимание на того, кто заговорил. Он казался мельче остальных. Худой. Не слишком высокий. Длинные рыжие волосы собраны в хвост, вдоль головы три косы с вплетёнными камнями. Одежда ничем не примечательная: длинный кафтан, вышедший из моды много лет назад, висит на нём свободно. Глаза изучают её, а руки он держит за спиной и улыбается со странным весельем.

— Помнишь меня?

Помню? Рин была уверена, что никогда его не видела, но виду не подала. В его речи и правда было что-то странное: звуки его «о» и «с», то, как он их выговаривал — казалось непривычным для аталийского.

Блуд тоже обернулся и встретился с Рин взглядом. Она стиснула юбку сильнее, сжала зубы и уставилась на него, чуть не задышавшись от злости, кипевшей внутри. От желания его убить. Что бы он ни...

— А-а-а! — Рин не смогла сдержать крик. Виски снова пронзила вспышка боли, и она запрокинула голову к забитому тучами небу.

Боль была такой, что она не могла ни дышать, ни видеть. В глазах потемнело. Не удержавшись на ногах, она упала на колени и схватилась за голову, короткими глотками хватая воздух.

— Что с ней? — спросил кто-то.

Рин продолжала часто дышать. Наконец ей удалось избавиться от злых мыслей и заставить себя думать о другом. Ей нужна была ясная голова. *Дыши. Дыши. Дыши.* Головная боль отступила, и зрение медленно прояснилось.

Что это было? Кто-то навёл на неё куклу-порчу?

Рыжий выглядел взбешённым. Он повернулся к другим похитителям, которые в недоумении стояли возле повозки.

— Эй! Корл! Больше её не трогай! — приказал он.

Голос был негромкий, но люди ненадолго прекратили работу, и кто-то ему кивнул. Рыжий сделал несколько шагов и присел прямо перед Рин. Взял её за подбородок, приподнял лицо и хмуро всмотрелся.

— Все трое нужны нам живыми. Где мы теперь возьмём третьего целителя? Ты в порядке, милая?

— Джунгурец? — слово вылетело у Рин прежде, чем она успела себя остановить.

Этот человек говорил в точности как жена Малвеса. Та говорила на безупречном аталийском, но некоторые слова произносила чуть иначе. Отец заставлял их вслушиваться в её речь и велел держаться подальше от всех, кто говорит так же.

Рыжий усмехнулся и отпустил её лицо. Он смотрел на неё серыми глазами, склонив голову, всё с той же ухмылкой. Рин выпалила это слово, даже не успев подумать, что для аталийца оно может быть серьёзным оскорблением. Но такие кроваво-рыжие волосы, хоть и встречались в Аталии, считались дурной приметой. Это был практически национальный признак Джунгура, где чем рыжее волосы, тем человек знатнее. По легенде королевская семья Джунгура происходила от давно вымерших чудовищ, дышавших огнём, и рыжие волосы были символом их рода.

Этот человек не выглядел оскорблённым, хотя глаза его оставались пустыми.

— О-о, — протянул он, наклонившись ближе и понизив голос, чтобы остальные не услышали. — Впервые вижу такую приметливую Ясную.

Он подцепил прядь её волос и рассмотрел.

— Жаль, что тебе придётся умереть. Мой король был бы рад такому подарку.

— Отпусти мои волосы, — сказала Рин.

Она не подарок. И умирать ради чего бы то ни было она не собиралась.

Рин была о себе очень высокого мнения. У неё были далеко идущие планы: если Аким решит, что не хочет иметь дел с политикой, она попробует занять его место. Женщины работали в Верхней палате, но только на самых низких должностях. И это ещё не всё. Останавливаться на этом она не собиралась. У неё была мечта. Попасть в Королевский совет. И она искренне верила, что у неё всё есть для этого.

И всё же... В эту самую минуту. Несмотря на свой необычайный ум.

Она совершает одну ошибку за другой.

— Я вторая дочь Акмата Сонах, Дарка. — Она сказала это с гордостью, с каждым словом осознавая, что совершает ошибку, которую не исправить.

Она видела, как изменились его глаза, когда он это услышал. Забрать слова назад было нельзя. Поэтому она договорила:

— Я требую, чтобы ты привёл ко мне моего брата, Акимира Сонах, нынешнего главу рода.

Рин подняла подбородок и посмотрела джунгурцу прямо в глаза.

Глава 4. Рин

Мужчина не отреагировал. Он смотрел на неё с интересом. Вот только глаза оставались ледяными, и Рин почти физически чувствовала исходящую от него опасность. Казалось, стоит ей отвести взгляд хоть на мгновение, и он её уничтожит. Только что сказанные слова застряли у неё в голове. Рин сказала джунгурцу, что она дочь человека, который едва не уничтожил его королевство.

Рин не была трусихой, но с желанием отступить, спрятаться справиться было трудно.

За спиной джунгурца работали люди: они рубили ближайшее дерево, чтобы починить повозку. Рин они не слышали. Она тяжело дышала, переводя взгляд с джунгурца на Блуда. Он пристально смотрел на неё и явно слышал каждое слово. Но, очевидно, сказанное Рин не настолько его заинтересовало, чтобы вмешаться в их разговор с джунгурцем. Джунгурец молчал, а Рин трясло.

Медленно, не сводя с неё глаз, джунгурец придвинулся к Рин и злорадно оскалился. В его взгляде проступила жестокость, и вдруг на миг он, самый мелкий из всех, показался ей самым опасным.

Джунгурец усмехнулся уголком рта, а в его взгляде на Рин появилось что-то похожее на восхищение.

— Ясная, дочь рода Сонах? — протянул джунгурец.

Он положил ладонь Рин на голову, и она вздрогнула. Больно, впрочем, не сделал, просто погладил, как зверушку, и повернулся к Блуду.

— Она несёт чушь от страха, — сказал Блуд, зевая. — Она не может быть его дочерью.

— Да? И откуда ты знаешь? — спросил джунгурец.

Рин попыталась выскользнуть из-под его руки, но он сильнее сжал пальцами её голову, удерживая её на месте.

— Ясная, дочь некроманта? Звучит... невозможно, по-твоему? — Он похлопал её по голове и надавил ещё сильнее. — Тш-ш... Мужчины разговаривают.

— Я встречал дочь и сына Сонах. Двойняшки. Её зовут Рин Сонах, и это не она.

Рин всё ещё стояла на коленях перед джунгурцем, его рука давила сверху так, что подняться она не могла. В этом унижительном положении она перевела взгляд на Блуда. Он смотрел на неё. Ни следа сочувствия. Никакого интереса к ней. Он уже принял решение. Ей оставалось только молиться, чтобы джунгурец ему поверил.

— Что, это какое-то правило? — спросил тот. Он начал сжимать пальцы, будто вдавливал их ей в череп. — В родах Аталии есть закон, что дочь может быть только одна? Или ты считаешь, что двух физически завести нельзя?

Нет... Он не поверил Блуду...

— Оставь её, у нас дело.

— Да. У нас. Дело. — Он нарочито разделил слова и кивнул Блуду, небрежным жестом показывая, чтобы тот отошёл. — Мне бы перекинуться парой слов с нашей Ясной госпожой, — приторно сладким голосом продолжил он он.

В Аталии отец Рин был героем, но если она права и этот человек из Джунгура... Для них её отец был всего лишь убийцей. Тем, кто разорил их королевство, стёр приграничные города с карты и превратил их в кладбище, где теперь Нежить поднималась каждую ночь. Она знала об этом только по рассказам жены Малвеса, но та говорила, что люди там живут под землёй и выходят наружу только днём. Люди голодали и жили на тех крохах, что столица удосуживалась прислать. На разорённой земле ничего не росло, и негде было пасти скот.

Джунгурец оглянулся, убедился, что Блуд далеко, и снова наклонился к Рин. Он уставился на неё ледяным взглядом, всё так же улыбаясь, и произнёс вполголоса:

— Я был мальчишкой, когда поклялся убить каждого из рода Сонах у него на глазах. — Шёпот был едва слышен. — Всех до единого, сколько бы вас ни было, я своими руками доставлю нашему королю в подарок. Он с вами позабудется. — Пауза. — Жаль, что не увижу, как умрёшь ты. Ясная, назвавшая себя госпожой.

Он усмехнулся, отстранился и снова заговорил. Его поведение сбивало с толку: он понижал голос, когда говорил с ней, когда признал, что он джунгурец, будто не хотел, чтобы остальные слышали. Но как Блуд мог не знать, что этот человек не аталиец? Что он работает с одним из злейших врагов королевства?

Это казалось невозможным.

— Так, на всякий случай, вдруг это правда... — Губы сложили слова, но звука не было.

Рин нахмурилась. Она сидела в грязи, когда он вдруг надавил ладонью ей на голову, заставляя согнуться, а потом сапог опустился ей на затылок и вбил лицо в грязь, в лужу, с такой силой, что она не успела среагировать. Дышать было нечем. Грязь забила нос, Рин вцепилась в ногу джунгурца, пытаясь сбросить её, но он надавил ещё сильнее. Рин дергалась, отбивалась, пытаясь вырваться. Ей было больно, но унижение жгло сильнее боли. И вдруг все закончилось. Он её отпустил. Она рванула голову вверх, хватая воздух. Сильно закашлялась. Руки тряслись, когда она провела ими по лицу. Она едва держалась, чтобы не расплакаться. Вытерев горящие глаза, она подняла взгляд и обомлела. Оказывается, это Блуд оттолкнул джунгурца от неё.

— Оставь её, — сказал Блуд джунгурцу. — Ты сам сказал: больше её не трогать. Она нужна нам целой для этого проклятого ритуала.

— Просто маленькая шутка. — деланно весёлым голосом сказал Джунгурец и шутливо поднял руки. — Она соврала, я её наказал.

Дарка

Солнце давно село. Непроглядная темнота поглотила улицы, даже здания Академии в тот день не освещались. Резкие порывы прохладного ветра врывались в лавку и сбивали вещи с полок. Мяун встречал каждый порыв ветра с откровенным недовольством, демонстративно подбирал всё, что упало, ставил обратно на полки и при этом недовольно бормотал что-то себе под нос.

— Может, закроем стену? — с явным раздражением в голосе спросил Мяун.

Он уже дважды пытался её закрыть, но Дарка не давала. Смотреть на стену было тоскливее, чем смотреть в темноту. К тому же, когда Рин и Мокша вернутся, она должна сразу их увидеть.

Поэтому она не отреагировала, сделав вид, что не расслышала.

— Я же тебе говорил. Морт тебя найдёт, у него артефакт. Помнишь? Ты сама помогала его сделать.

Он говорил громко и шумел за её спиной, и она наконец обернулась. Мяун подбирал упавший товар: карты, какие-то игрушки, и возвращал их на полки. *Вот же упрямый человек.* Они всё равно упадут снова, а он всё пытается поставить их на так называемые «правильные» места.

— Слышишь? Он тебя найдёт. Рин вернётся и очень скоро снова примется меня доставать, будто никуда не пропадала.

Дарка усмехнулась: только Мяун мог сказать такую глупость с такой уверенностью. И всё-таки ему явно удавалось её немного расшевелить. Он подошёл ближе и добавил:

— Но сегодня они не вернутся. Так что закрой эту прокл... эту стену, поднимись наверх и отдохни.

Дарка не ответила. Она молча смотрела на него. Он говорил это уже в пятый раз, и слова по-прежнему для неё ничего не значили. У *Морта артефакт*. Ну да. Она о нём знала и хорошо помнила. Помнила и как он работает: указывает на ближайшего Ясного. Тогда ей было всё равно, но разве это не огромный изъясн — указывать на всех Ясных? Какой вообще смысл в таком артефакте?

Какова вероятность, что на восточной дороге из Исы окажется всего трое Ясных? Они с матерью бывали на востоке, и кто знает, сколько Ясных там ещё может быть? Где гарантия, что артефакт приведёт его прямо к Рин? Где гарантия, что он приведёт вовремя?

Артефакт Мяуна был не так хорош, как он расписывал.

Вот если бы артефакт позволял за мгновения преодолеть большое расстояние и оказаться перед найденным Ясным... Вот это был бы хороший артефакт.

— Ну? — Мяун поднял брови.

Ей не хотелось ему грубить. Он не виноват, что артефакт плохой. Ну, может, немного виноват. И всё же расстраивать его она не собиралась. Дарка была уверена, что ему тоже плохо. Наверное, сучает по Мокше. Она видела, как эти двое сблизилась.

— Иди спать первым, — сказала она. — Я подежурю за тебя.

— За меня? — Мяун издал стон полного отчаяния. Дарка его понимала, ей было так же плохо.

Она повернула голову в сторону улицы и от неожиданности вздрогнула. В нескольких шагах от лавки стояла высокая тень Акима, тёмная на фоне блестящих луж. Свет из лавки отражался в его чёрных глазах, но сами глаза казались пустыми, будто за ними ничего нет. Словно внутри у него всё умерло. На миг их взгляды встретились, и они молча посмотрели друг на друга в понимании, которое, казалось, было только у него и Рин. Но Дарка была самозванкой, и под его взглядом ей стало не по себе.

Ей хотелось вскочить, броситься ему на шею и умолять о прощении. Из-за неё они оказались в опасности. И теперь Рин придётся нести её ношу. Дарке хотелось сказать всё это Акиму, но она молчала. Она не сдвинулась с места, не улыбнулась, не поздоровалась. Ей нечего было сказать. Как вообще сказать, что ей очень жаль, что Рин рискует жизнью вместо неё?

Аким и Рин всегда были больше, чем близнецы, они были двумя половинами целого. Даже когда ссорились, они понимали друг друга с полуслова так, как не мог никто другой. Рин на её месте точно знала бы, что сказать. Дарка склонила голову и грустно улыбнулась, а потом поняла, что утешать Рин не умеет. Куда лучше ей удавалось столкнуть человека глубже в его собственную бездну.

Ну, раз уж она теперь в её теле, может, и этот талант ей достался? Она была готова сказать Мяуну, что его артефакт игрушка, не больше. Потом сказала бы Акиму, что как глава рода он никчёмен... и вот так, в одно мгновение, она полностью стала бы Рин. И... никто... никогда... не узнал бы...

Рин всегда била по самым больным местам, особенно когда горевала. Значит, чтобы стать ею, Дарке нужно было всего лишь сделаться жестокой. Наверное, злой. Дарка не знала, что чувствовала Рин, когда в такие минуты делала другим больно, но сама она никогда не смогла бы такое сказать. Как однажды сказал отец, есть вещи, которые мы думаем, но не произносим вслух. Вообще-то он говорил это больше Рин, чем кому-то ещё...

Молчание было таким мучительным, что Дарка упёрлась ладонью в стол, собираясь подняться. И заплакать, и попросить прощения. И сказать, что Рин мучается там. Что перед ним не его любимая сестра. Но в этот момент Аким резко выдохнул, отвернулся и, наконец, выпустил гнев наружу:

— Проклятие!

Он изо всех сил пнул низкий заборчик у витрины. Тот прогнулся и частично вырвался из земли. Аким перешагнул через него и рухнул в кресло напротив Дарки. Не поднимая головы,

он упёрся кулаками в столешницу и низко опустил голову., Казалось, он не может заставить себя посмотреть на Рин.

Дарка слабо улыбнулась. У него и у Рин была оливкового цвета кожа, но в тот день лицо Акима казалось бледным, щёки впали, под глазами легли тёмные круги. Они появились после его первого боя и темнели с каждым днём.

Он не хочет умирать. Дарка это понимала. В конце концов, она тоже этого не хотела. В этом мире было столько всего, что можно узнать, почувствовать, увидеть. Столько всего, что она могла бы сделать для Ясных.

Она до боли прикусила щёку. Ей было жаль Рин, конечно, жаль, но за всем этим внутри уже какое-то время обитала маленькая мысль, и чем больше Дарка позволяла себе на ней задерживаться, тем меньше могла её отогнать. Странно, но в собственном теле такая мысль никогда бы не всплыла: она всегда знала свою ношу. Она была ею довольна. Или так ей казалось.

Теперь она боялась признаться в этом даже себе...

Но всем сердцем она была рада, что там сейчас не она, а Рин

Оказалось, что просто быть Ясной — не значит быть хорошим человеком. Не так, как она всегда думала. Ведь она не хотела сейчас быть там, в той маленькой повозке, похожей на гроб. Её телу было больно, и никто, даже Ася, не помог. Дарка их видела. Они смотрели на неё и даже не попытались облегчить боль. Она не могла этого понять. Наверное, не поймёт никогда.

Чем дольше она сидела напротив Акима, тем невыносимее становилось молчание. Нужно было что-то сказать. Что угодно.

— Ты её не нашёл? — спросила она. Голос вышел хриплым.

Какой глупый вопрос. Рин никогда бы не спросила такую глупость, когда ответ настолько очевиден.

Аким мотнул головой и посмотрел на неё.

— Мы обыскали весь Дом Света. Опросили там каждого Ясного. Какой-то стражник увёл её в лечебницу, но туда она не дошла, — прохрипел он, вцепившись себе в волосы.

Дарка протянула руку и смахнула капли дождя с его волос.

— Я был у ворот. Сказали, что выехало много повозок, шли торговцы, никого не проверяли. Я... — Он поднял голову, в глазах горело отчаяние. — Меня не выпустили. Раз я служу Ордену, сначала нужно получить разрешение капитана. Морт увёл отряд из города в погоню за похитителями Ясных. Рин, что нам делать? — прошептал он.

— Я... — Дарке казалось, что она уже должна плакать, но слёз не было. Внутри бушевала боль, которую она, похоже, не умела выпустить. — Прости меня, — прошептала она. — Прости меня.

Она взяла его руку, сжала ледяными пальцами и прижалась к ней лбом, держа крепко-крепко. Аким смотрел на неё в недоумении, чуть нахмурившись, словно замечая, что что-то с ней не так.

— Рин?

Сколько ему понадобилось, чтобы понять это? Несколько минут?

Дарка смотрела на руки, боясь поднять глаза и встретиться с ним взглядом и говорила:

— В класс пришёл стражник, это правда. Я знала, что не должна идти за ним. С той минуты, как я его увидела, я чувствовала, что надо остаться в классе. Но все говорили, что лечебнице нужна помощь. Даже преподаватель подтолкнул меня. Я...

Заметив тень, она обернулась. Мяун стоял у первой полки, опершись на неё, и молча смотрел на них.

— И я... — Она судорожно вдохнула. — Я их послушала. Я подумала, что это может быть правдой...

Аким смотрел на неё не моргая, будто мысленно задавал ей вопрос. Рин всегда знала, о чём думает Аким, но Дарке этот дар не достался, даже в теле сестры.

— Мы свернули не в тот коридор. Я там уже бывала... Я должна была сразу сообразить. Но не сообразила... — Она мотнула головой. — Я пыталась убежать. Мокша прыгнул на него, — она захлебнулась, пытаясь отдышаться, — стражник схватил его за голову и бросил в стену. Я не знаю, жив ли Мокша. Я его не чувствую. Я не могу...

— О чём ты говоришь? — прохрипел Аким.

И она замолчала. Больше сказать было нечего.

Они сидели друг напротив друга и смотрели в такие похожие глаза. Их снова накрыло порывом ветра. Аким чуть прищурился и подался вперёд, сжимая её руку, чтобы поделиться теплом. Он дёрнул ногой, и было видно, что он хочет что-то сказать, но не находит слов.

— Я не виноват. — Голос Мяуна вдруг вклинился в тишину.

Он подошёл и сел за стол между ними, выложив небольшой диск и несколько крошечных обломков разбитого золотого артефакта.

— Не уверен, что нашёл всё, что нужно, — пробормотал он, разглядывая детали.

Потом он глянул на Дарку виновато, но с вызовом. Может, решил, что она его осуждает.

— Сказал, что починю, значит починю. Не переживай. Я всё верну как было.

Аким медленно перевёл внимание на Мяуна и на миг задумался. На его лице появилась кривая улыбка. Мяун это заметили скривился в ответ:

— Ладно. Вам обоим надо понять: меня заставила Рин. Она давила на меня, говорила, что заплатит сколько угодно. Я — артефактор, — он прижал руку к груди, не отводя взгляда от Акима.

Аким не перебивал Мяуна и дал ему договорить эту горячую тираду.

— Я выполняю заказы, даже безумные, — продолжил Мяун. — Да что там, всё моё дело построено на невыполнимых заказах. За разумными ко мне не приходят.

Он горделиво указал на разложенные на столе детали артефакта, а потом добавил небрежно:

— Но не переживай, плату я возьму с Рин, а не с тебя.

Дарка чуть пожала плечами, глядя на брата.

— Дарка? — наконец узнал её Аким. Дарка медленно кивнула.

Ему на это понадобилось больше времени, чем Мяуну. Она глянула на артефактора, вспомнив тепло его объятий.

Тем временем Аким всё ещё не мог до конца поверить в случившееся.

— Но... как... как?

— Я же говорю, твоя сестра взяла артефакт и сломала его. Я тут ни при чём, — сказал Мяун. — Но я всё улажу.

— Ха! — Аким подпёр голову руками, словно задумавшись.

Потом вдруг кивнул и даже коротко рассмеялся, не совсем естественно. Когда он поднял голову, на его лице сияла нежная улыбка. Он протянул руку и щёлкнул Дарку по носу.

— Выше нос! Если кто и справится, так это Рин. Дарка, у нас всё будет хорошо.

Только Дарка в это не верила. Но у неё не хватило сил убить надежду в глазах Акима. Те люди были жестокими. Такой жестокости Дарка раньше не видела. Стражник был огромным, почти вдвое больше Акима. У Рин, даже в собственном теле, не хватило бы сил с ним драться...

Глава 5. Легенда

Мифы о Дарах Синамы, или о его Грехах, смотря кто рассказывает, ни разу не звучали одинаково. Но этот был самым важным из них.

Синама был человеком, жаждавшим власти сильнее любого короля до него. Он взялся создать артефакт, которого раньше на свете не было, ибо никто до Синамы не осмелился сделать его. Собственной энергии не хватало. Тогда он задумал огромный символ смерти с собой в центре. Пять вершин, пять несчастий, каждое стягивало тёмную энергию к своему острию, и все пять тянулись к Крепости Учур, где он ждал. Каждая катастрофа питала символ. Каждая приближала его к цели. А когда будет прочерчена последняя вершина, случится последняя катастрофа. Вся собранная тьма хлынет внутрь и вольётся в его артефакт, сделав его достаточно мощным, чтобы сокрушать народы и подчинить его воле все королевства мира Мая. Говорили, что Синама Учур хотел быть единственным Королём.

Таков был его замысел.

Соседние земли увидели, что он строит, и объединились, чтобы его остановить. На его землях вспыхнула война, и с каждой смертью символ продолжал заряжаться тёмной энергией. Остановить это он не мог, и они тоже. Энергия копилась в пяти вершинах, пока однажды не рванула к центру и не разбила его артефакт в вечное проклятие.

Такова главная легенда.

Есть и другая. Эта ходит среди джунгурцев...

Рин

Рин сидела в гробу, обхватив колени и уткнувшись в них головой, покачиваясь в такт повозке. В этот раз ехали с терпимой скоростью. Повозку всё ещё трясло, но сидеть прямо и не цепляться изо всех сил было можно. Кожу стягивало от засохшей грязи. Она отёрлась как смогла, но ощущение сапога на затылке никуда не делось. *Он ведь потом улыбался...*

Похоже, она всё-таки не была готова ко всему в своей жизни. Мать говорила, что война с Джунгуром сломала отца. Она сломала их обоих: Тамаса и отца. Он уехал в свою Крепость, не в силах больше жить в столице. Он принял командование на восточной границе и держался простой жизни... Рин глубоко вдохнула, сильнее обняла колени, стараясь казаться меньше, чем она есть.

В голове всё ещё звучали слова Блуда: *«Она нужна нам целой для этого проклятого ритуала»*.

Ему было плевать, что её унизили и избili. Он даже не подумал спросить, как она. Казалось, ниже упасть в её глазах уже нельзя, но он справился.

Ящик всё качал её из стороны в сторону, и это по-своему убаюкивало. Она чуть переместилась к стенке напротив той, что была в грязи, и прижалась спиной к холодному дереву. Внутри стало ещё темнее, солнце, должно быть, село. Она прислонилась лбом к задней стенке, пытаясь разглядеть что-нибудь в щели между досок. Позади горели маленькие огни, наверное, у всадников, что ехали за повозкой, были фонари. И немного света пробивалось сквозь доски спереди, прямо за спиной Аси. Хотя его не хватало, чтобы что-то осветить, в щелях виднелась только маленькая точка.

Рин осторожно опустила голову на колени, повернувшись к Ясным.

— Знаешь, — тихо сказала Ася, будто боялась, что снаружи её услышат. Но даже Рин приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. Сопение на секунду прервалось: Зоар, кажется, устроился поудобнее и снова уснул. — Во всём, что случилось, виновата ты.

— Что? — Рин мгновенно подняла голову.

— Я всё видела. Ты бросила им вызов. Кто в здравом уме бросает вызов тёмному магу? У тебя явно что-то не так с головой.

— Я не бросала им вызов, — ответила Рин, чётко проговаривая каждое слово в надежде, что Ася поймёт намёк и закончит этот бессмысленный разговор.

— Тебя как будто не учили вести себя с такими, как он.

Вести себя? Её передёрнуло. Как же она ненавидела это слово. Вести себя. Приличная девушка должна уметь держаться, знать, когда молчать, когда оставить решение за мужчиной. Приличная... Что это вообще значит. Приличная? Чем она хуже Акима? Она умнее, лучше держится в седле, лучше во всём, что не требует силы. Неужели мышцы значат так много? Это просто смешно: половина двора в жизни не держала меча. В полях работали мужчины, и точно так же в полях работали женщины, а решение всё равно оставалось за мужчиной.

— Ты сумасшедшая, — презрительно прошептала Рин, удерживая себя от продолжения.

Но Ася была достаточно глупа, чтобы намёка не понять.

— Ты смотрела им прямо в глаза! — последнее слово она выкрикнула, будто не могла это уложить в голове.

Потом быстро закрыла рот и втянула голову в плечи, словно чего-то ожидая. На её голос никто не отреагировал. Грохот колёс повозки и цоканье лошадиных копыт заглушали всё остальное. Ася выждала немного и наклонилась вперёд, погладив брата по голове. Он проснулся и лежал не шевелясь.

— Им нельзя смотреть прямо в глаза, — сказала она. — Даже мужчина из Ясных счёл бы это дурным воспитанием. А ты бросала им вызов как равная.

Рин подняла голову, вглядываясь в темноту, царящую внутри гроба. Ей хотелось бы посмотреть Асе в глаза. Одного взгляда хватило бы, чтобы показать, что она о ней думает.

— Я так понимаю, ты считаешь, что мы им не равны? — спросила она вместо этого.

— Конечно, нет. Они сильнее. У них власть. У тебя нет ничего. Ты должна знать своё место и делать, как они говорят, — сказала она, и звучало это уверенно.

У Рин задрожала нижняя губа. Она сжала пальцами юбку, не в силах переварить сказанное Ясной. Её переполнял гнев. Если даже сами женщины так думают, какой у них шанс быть услышанными? Чтобы тебя уважали, всё это нужно произносить вслух. Слышать это никто не захочет, потому что неудобно. Но в том и смысл. Не соглашаться на что угодно только потому, что кто-то сильнее. Ясные не животные. Они ничуть не хуже, чем Блуд Фурина или этот мерзавец, который ткнул ее лицом прямо в грязь. Рин тяжело дышала, пытаясь унять клокочущую внутри ярость. С большим трудом ей удалось взять себя в руки и спросить Асю голосом почти ровным, лишь с каплей иронии:

— То есть ты никогда никому не бросала вызов?

— Никогда. Я прекрасно знаю своё место. И прекрасно знаю, кто заботится о моей семье... твой наставник Енисей. И откуда берётся еда, милостью короля.

Рин кивнула. Ася и её брат были такими худыми, будто ни один из них толком не ел. Ей было, наверное, столько же лет, сколько Рин, а может, и больше, но лицо у неё было болезненное, волосы редкие. И она говорила о милости короля? Или отдавала свою долю кому-то ещё?

— И как, это помогло тебе? Или твоему брату? — спросила Рин, понизив голос и не пряча презрения. — Когда тебя похитили? Спорю на что угодно, ты просто пошла туда, куда велел мужчина. Хотя одного крика хватило бы, чтобы привлечь внимание. Или когда...

— Ты кричала, — перебила она. — И тебя избили. И на тебя потратили нашу светлую энергию. Ты вообще знаешь, что нам нельзя пользоваться силой, если это не для некромантов?

Рин этого не знала. Что ж, в мире некромантов это, наверное, имело смысл.

Она и сама росла в убеждении, что все некроманты существуют, чтобы её защищать, и всегда считала, что им должно доставаться лучшее. Они были законом, они были стеной, за которой все чувствовали себя в безопасности. Рыцари следили за тем, чтобы так и было. Так почему она теперь набросилась на Асю за ту же самую веру? Потому что её вера глупее?

— Дай спрошу. Если бы выбор был между спасением брата и спасением некромантов, кого бы ты выбрала?

Она задала вопрос от скуки, чтобы увести мысли от того, что её преследовало. Но Ася ответила.

— У всех нас есть долг. И свой я должна исполнить. Мне может не нравиться, но мой долг сохранять жизни защитников.

Рин тихо рассмеялась. *Долг, который нужно исполнить. Как смешно.*

— Тебя похитили некроманты, которые собираются принести тебя в жертву во время ритуала. Один из них служит в Ордене офицером. Скажи. Это ты тоже примешь?

— Это путь, который приготовила мне Исида. Как её дочь я приму всё, что потребуется.

Рин похолодела и стиснула кулаки, больше не в силах это выносить.

— Как достойно, — съязвила она.

На этом она собиралась закончить разговор. Повозку слегка качнуло, и они замедлились ещё сильнее. Колёса снова застучали, подскакивая на камнях. Повозка явно свернула с главной дороги. От резкого толчка Рин подбросило, и она снова посмотрела на Асю, потом на мальчика. Хоть убей, промолчать она не могла. Ася называла себя дочерью Исиды так, будто это довод, будто она понимает что-то, чего не понимает Рин.

— Я тоже дочь Исиды, — сказала Рин, улыбаясь про себя.

А почему нет? Дарка точно была, а раз Рин её сестра, значит, и она тоже.

— И если мне дадут право выбора, я сожгу всех некромантов, кроме одного, ради сестры и брата. Да что там, обычных людей я тоже сожгу. Если мне скажут умереть во имя Исиды, я от неё отрекусь. Если...

— Замолчи! Замолчи! — вдруг громко выкрикнула Ася. — Так говорить нельзя!

— Что случилось? — тонким голосом спросил Зоар, отстраняясь от сестры и потирая глаза кулачком.

— Ясная ты или нет, — продолжила Рин, пока они возились, устраиваясь в тесном гробу, — жить или нет — это только твой выбор. А ты, Ася, самый бесполезный и глупый человек, какого я встречала. Ясных убивают не для того чтобы спасти мир, а чтобы его уничтожить. Ты идёшь не по пути, который приготовила тебе Исида. Ты её предаёшь.

— Дарка! Как ты можешь такое говорить? — с ужасом крикнула Ася.

— Слышишь, Зоар? — спросила Рин, глядя в его испуганные глаза в тонкой полоске света, что падала ему на щёку. — Твоя сестра считает, что ты должен умереть. Я считаю, что ты должен сделать всё, чтобы выжить. Выбирай.

— ПРЕКРАТИ! — взвизгнула Ася, но было уже поздно: слова Рин попали ровно туда, куда нужно.

Она откинулась назад, и до неё донёсся тонкий голос:

— Ты правда хочешь, чтобы я умер?

— Нет, Зоар, нет, — прошептала Ася. — Просто... иногда таков путь Исиды.

— А потом она хочет, чтобы ты присоединился к душам Сина... — Рин собиралась пошутить, но осеклась, вдруг сообразив, где находится.

Лес Синамы! Их увезли далеко от столицы. Большую часть пути они, насколько она могла судить, ехали по прямой дороге.

И с ними был Блуд...

С той самой минуты, как Рин очнулась, у неё в голове было предсказание Ары. Она не знала почему, но, может, это и был намёк? Может, где-то внутри она уже знала, что происходит.

День, когда Ара сделала предсказание, размылся в памяти, но слова врезались достаточно глубоко, чтобы звучать до сих пор. И кости. Рин напряжённо уставилась в темноту, силясь вспомнить. Кости, что Ара бросала для Блуда. Рин следила за ними, и одна легла рядом с лесом Синамы... её кость легла туда же. Предсказание было не только в словах, всю историю рассказывала карта. Ара сказала, что придёт время, когда Рин возненавидит Блуда так сильно, что кукла-порча не пропадёт зря. Она была сильной ведьмой, и всё это она предсказала.

Рин впервые увидела это так ясно. Лес Синамы. Ритуал собирались проводить у леса Синамы.

Она попыталась сосредоточиться, вспомнить тот день, всё, что говорила Ара, всё, что она видела. Но тогда её слишком трясло, в голове помутилось. Рин хотела бы применить свою силу к самой себе, чтобы вспомнить...

Зоар хныкал, что не хочет умирать. Его тонкий голос звучал на удивление громко и сбивал её. Ася его успокаивала и что-то шептала. Чтобы Рин могла продолжать думать, им обоим нужно замолчать. Она схватилась за голову, пытаясь вспомнить.

— Тш-ш, Зоар, ничего страшного. И не слушай Дарку. В ней нет ни капли духа Ясных...

Рин замерла: это был удар, который она не могла пропустить, и он разбил все её попытки сосредоточиться на предсказании ведьмы. Она повернулась к Асе. Та ведь была права: Рин не была Ясной. Зато была Дарка, и больше, чем они обе вместе взятые.

— Что, прости? Я потомок древнейшего рода Ясных. Я больше Ясная, чем ты когда-либо будешь. Вот так, Зоар, не верь сестре. Ей промыли мозги, чтобы она дала тебе умереть.

— Ты сошла с ума! Прекрати! Он же ещё ребёнок!

— Точно, он ещё... — Рин не знала, сколько ему лет. — ...и он со мной согласен. Тебе это ни о чём не говорит? Дура.

Уф...

Спереди в борт повозки ударил кулак, и все трое мгновенно замолчали.

— Ещё один звук, и пойдёте пешком, — сказал голос снаружи.

Рин была бы не против пойти пешком, что угодно лучше этого душного гроба. Удерживало её от того, чтобы повысить голос, только одно: есть вещи куда хуже. И это было снаружи.

Может, попробовать поговорить с Блудом? Воззвать к его разуму. Он всё-таки аталиец, значит, должен хоть немного уважать семью Героя. Он сам ей это говорил: если бы он знал, что она дочь рода Сонах, он бы её не тронул. Верно ли это, если она Ясная? Верно ли, если они не в городе? Она знала только одно: здесь он был меньшим злом.

Рин закрыла глаза и попыталась вспомнить странную карту Ары и то, где остановились кости. Лес Синамы она точно видела, и что-то за ним. Она смотрела на карту сверху. Он был справа от неё, значит, слева, если смотреть на карту прямо, а это означало два возможных места: Святилище Манея или родовое кладбище Учур. И она готова была поспорить, что это второе.

Родовое кладбище Учур.

Если она права, то, сбежав, сможет хотя бы сориентироваться. Зоара она возьмёт с собой. Взяла бы и его сестру, но у Аси, по всей видимости, впереди путь, проложенный самой Исидой.

Итак, с чем Рин могла работать? Она тронула запястье, нащупав браслеты Дарки. Это маленькое движение было успокаивающе привычным, будто она делала так всю жизнь. Оно помогло сосредоточиться на том, что действительно стояло на кону.

— Эй, — сказала она вслух: шёпот в этом шуме никто бы не услышал. Колёса громыхали по камням. — Вы умеете ездить верхом?

— А ты умеешь?

Конечно, не умели. Рин напряжённо думала. Бросить старшую? Это казалось жестоким: она глупая, но не по своей вине. Если все трое сядут на одну лошадь, их поймут минут за десять, не больше. И это при условии, что никто из Ясных не запаникует при виде лошади.

Нет... Не выйдет.

Не будь они Ясными, Рин бросила бы их при первой возможности. Но к их племени у неё была слабость: раз они не могут позаботиться о себе, кто-то должен.

Их стало качать сильнее, шум нарастал. Она упёрлась одной рукой в крышу, а другую вытянула, ощупывая доски, пока не нашла щель между ними.

Глава 6. Рин

Лес Синамы. Если она права... Что она знает об этом месте?

У родового кладбища Учур была самая непоэтичная история из всех пяти Грехов. Хотя и жестокая. И единственная, которая не имела отношения к самому Синаме. Рин улыбнулась про себя: все эти мифы она знала от матери. И это было лучшее её воспоминание — как мать собирала их ради своих рассказов. Этот назывался Сказ о Проклятом кладбище. Рин закрыла глаза и, пока тело мотало из стороны в сторону, таинственным образом ускользнула в безопасное место в своей памяти.

Задолго до рождения Синамы дом Учур построил это кладбище, чтобы чтить память умерших. Считалось, что чем лучше похоронено тело, тем больше у него шансов достичь Верхнего мира и оберегать оттуда своих потомков.

И род Учур не жалел ничего ради самых пышных погребений. Они возводили сооружения с мощными чарами и увивали их золотыми лозами, что ползли по стенам, как плющ по дереву. У основания в камне были вырезаны символы рода и его магии. Внутрь клали всё ценное, что было у покойного. Ставили статуи, украшенные драгоценными металлами и самоцветами. Но особенно выделялось оружие: фигуры женщин и мужчин с мечами, пиками, ножами. Они стояли вдоль дорожек между склепами, а те расходились лучами вокруг главной статуи, поднимавшейся из пруда: женщина, отлитая в золоте, в венце из листьев.

Зарисовок не осталось. Насколько она знала, эта история не входила ни в учебники истории, ни даже в признанные легенды Аталии. Мать описывала скульптуру так подробно, что Рин всегда представляла непобеждённую воительницу с длинными волосами, в свободных одеждах, которые раздувал ветер, и с лозами, расходящимися от платья.

Мать говорила, что первый глава-основатель рода Учур, был похоронен там, в главном склепе. На следующее утро у его гробницы нашли тела. Золотые лозы держали мертвецов. По лозам текла кровь, они почернели и светились тёмной ядовитой энергией, невиданной ранее.

Мертвецов сочли ворами: людьми, позарившимися на золото. Считалось, что древняя магия Учур защищает своё богатство. Так и было, но каждый месяц возле склепа находили новых мертвецов. Иногда это были бедняки, иногда разыскиваемые преступники, попадались и женщины. Все они были высушены магией. Шло время, и на кладбище проливалось всё больше крови. Сколько ещё было жертв, о которых никто не знал?

Наконец, почти через сто лет, пришёл новый глава рода. Синама Учур объявил это место опасным и закрыл его. Позже в легендах его называли Проклятым кладбищем. Говорили, что статуи там оживают и бродят в поисках новой крови, потому это место обходили стороной. Рядом не осталось ни одного поселения. Все окрестные деревни забросили, люди ушли с этой проклятой земли.

Теперь, когда Рин об этом задумалась, ей припомнилось, что род Учур до сих пор называют проклятым. Это прозвище шло за членами рода через всю их историю. На фамильном гербе покровитель рода Учур, волк, был зажат в когтях стервятника, покровителя королевской семьи, а это значило, что род был в одном шаге от гибели. Главе рода запрещалось занимать высокие должности вроде Главы Ордена. Он не мог призвать родового покровителя волка и выпустить его в мир.

Забавно, что дом называли падшим, а глава рода при этом носил звание капитана первой дивизии и занимал место в Королевском совете: высшее положение, какое когда-либо занимал падший дом.

Мысли вернулись к Проклятому кладбищу и к тому, какую роль оно сыграло в Падении Синамы. Энергия стекала туда веками, и к тому времени, как артефакт Синамы был готов, это место уже было мощнейшим средоточением тёмной магии, способной погубить весь мир.

Его до сих пор называли Грехом Синамы, потому что он был самым известным из Учур, но на самом деле это был грех всего рода.

Пока Рин прокручивала эту историю в голове, повозку качнуло в последний раз, и она остановилась.

Она не знала, что стало с этим местом на самом деле, и было ли у истории продолжение. Наверное, Проклятое кладбище давно превратилось в руины. Ей представлялось, что там всё сровняли с землёй, а склепы давным-давно обчистили. Но сейчас, когда она вспоминала легенду Проклятого кладбища, в голове Рин родилась маленькая мечта: то, что убивало тех людей тогда, оживёт при появлении их отряда. И перебьёт каждого из этих ублюдков.

Рин улыбнулась про себя: в теле Дарки она в безопасности. Никакое проклятие её не тронет. Её младшая сестра на самом деле была сильнее большинства людей. Те, кто списывал её со счетов за то, что она Ясная, были просто пустоголовыми дураками.

До неё донеслись шаги, и она напряглась, вслушиваясь. Кто-то шёл к повозке. Они прошли мимо дверцы и направились к лошади, переговариваясь. Двое, кажется, распрягали лошадь. Их голосов она не узнала, значит, можно было попросить выпустить всех хотя бы на минуту. Но Рин не нашла в себе смелости окликнуть их. Она сидела в полной темноте с прямой спиной и чего-то ждала.

Темноту Рин ненавидела с детства и теперь хотела вытянуть ногу и коснуться Ясных. Чтобы лишний раз убедиться, что она в этой темноте не одна. Гордость не позволяла показать эту слабость.

Только когда лошадь распрягли и увели, Рин облегченно вздохнула.

— Мы остановились? — прошептал Зоар. — Мне нужно... эм... по нужде.

— Потерпи, Зоар, — прошептала Рин, обрадовавшись, что он заговорил: давящая тишина сводила её с ума. — Может, о нас вспомнят и выпустят, хоть ненадолго.

Он заскулил в ответ, но больше ничего не сказал. Только дышать стал громче.

Рин прижалась ухом к дверце и чуть толкнула её. Дверцу держал крюк, но щели хватало, чтобы разглядеть, как вдалеке разжигают костры. Похоже, они разбивали лагерь. Самое время планировать побег. Для этого нужно было как минимум осмотреться.

Через какое-то время до них дошёл запах жарящегося мяса. Запах был далёким, но голодный желудок Рин всё равно отозвался жалобным урчанием.

— Нас покормят? — спросил Зоар, и следом громко заурчало у него в животе.

Рин сомневалась. На этом этапе она не думала, что похитители вообще выпустят их хоть на пару минут. Да и зачем? Они должны умереть во время ритуала. К чему возиться? Для них никто из Ясных не был по-настоящему человеком.

Рин подползла к дверце, чтобы проверить, пролезет ли рука в щель и получится ли поднять большой железный крюк. Она просунула пальцы и нащупала его. Крюк был массивный, шершавый от ржавчины. Он не сдвинулся ни на палец, но надавить сильнее всё равно стоило. Она уже собиралась налечь плечом на дверцу, чтобы расширить щель, когда услышала голоса и лошадиное ржание. Рин замерла.

Лучше подождать, пока всё стихнет и они уснут. Не станут же они выставлять караул над Ясными? Она снова заглянула в щель: к ним двигалась большая тень. Рин торопливо отползла от дверцы.

— Ася? — пискнул мальчик. — Мне очень нужно пописать.

— Потерпи, солнышко. Тш-ш.

— Но я...

Время тянулось, и ничего не происходило. Дверцу им никто не открывал. Ребёнок плакал и умолял Асю выпустить его. Рин закрыла глаза. Что ей было делать? Кричать и требовать, чтобы их выпустили? Лучше подождать, пока все уснут. Зоар потерпит.

Сидеть на месте становилось невыносимо, и она начала трясти ногой. Этот деревянный гроб был терпим, пока они ехали, но стоило остановиться, и дышать стало ещё труднее. Было так жарко и невыносимо, что Рин начала медленно стучать затылком о борт повозки, не в силах справиться с тревогой, ползущей по телу.

Сколько прошло времени? Голова тяжелела от сна.

Она почти задремала, когда краем сознания уловила шаги, и то лишь потому, что кто-то едва не споткнулся и громко выругался, задев камни. Те раскатились с глухим стуком, ударяясь о другие. Неужели они и правда на территории древнего кладбища? Как они вообще нашли это место? Где оно находится, знают все, но, как и Болото душ Амбы, Проклятое кладбище должно быть скрыто от людей под магией.

Рин приоткрыла глаза и напряглась. Шаги не стихли, и через мгновение кто-то дёрнул дверцу и со скрежетом сорвал крюк. Рин вжалась в стену, глядя прямо перед собой. В тусклом свете луны и костров она встретила взглядом с громилой, которого Дарка боялась до ужаса.

Она не шевельнулась. Он оскалился ей и наклонил голову.

— Ну давай, милашка. Вылазь. Повеселимся, хе.

Всё тело Рин застыло. *Что это? Проклятие? Сначала Блуд, теперь он?* В голове мелькнули слова Морта о том, что большинство мужчин – животные, которыми правят инстинкты. Вспомнив Морта, Рин разозлилась, будто это он виноват – проклял её в наказание за попытку его соблазнить.

Губы задрожали, и она в страхе отшатнулась. Громила упёрся руками в повозку с такой силой, что та качнулась. И потянулся к Рин. Она сдавленно пискнула, замотала головой и подтянула колени.

— Не трогай меня... — прошептала она едва слышно.

— Корл! Ты что творишь? Отойди от них, — раздался властный голос Блуда.

Улыбка громилы пропала. Он выглядел раздражённым и уставился на Рин так, будто это она виновата, что веселье оборвали. Он выдохнул и отступил, а через миг её накрыло тошнотворной волной перегара. Рин вжалась в стену. Сердце колотилось, как бешеное. Она вся похолодела от страха. Громила повернулся к ней спиной, но не уходил.

— Я сказал, отойди, — приказал Блуд, но тот всё ещё загораживал проём.

— Да ла-адно, я устал и просто хочу развлечься. — Грубый голос. — Верну целой, обещаю, хе.

Рин думала, что готова ко многому. Но эта поездка будто нарочно показывала ей, сколько всего на свете она не в силах вытерпеть. Она повернула голову и уставилась на выход. Там стоял Блуд: рыцарь, который не так давно сам едва её не изнасиловал. *Что с ними не так? Почему все мужчины обезумели от похоти?*

— Я сказал: нет. — Голос Блуда стал ледяным.

Громила не хотя отошёл от повозки, и Блуд подошёл ближе, скользнув взглядом по Ясным внутри. На Рин он задержался чуть дольше и снова повернулся к Корлу.

— До завтра никого из них не трогать. Это приказ.

Матерясь под нос, громила потопал прочь, шаркая по камням и расшвыривая их ногами. Рин зажмурилась, давая себе минуту прийти в себя. Воспоминание никуда не делось: громила держит её и обнюхивает, как зверь. Она прямо чувствует его похоть.

Блуд уже закрывал дверцу, когда Рин все же собралась с силами. Она оттолкнулась от стены и позвала его:

— Блуд!

Он вздрогнул и уставился на неё в полном изумлении.

— Мальчику нужно в туалет. Выпусти его на минуту, — сказала она.

Блуд продолжал смотреть на неё, потом повернулся к Зоару. К тому моменту мальчик трясся и плакал. Он в слезах посмотрел на Блуда и отчаянно закивал. Блуд отошёл от повозки.

— Мне тоже. Мне тоже нужно, — шепнула Ася Рин.

Даже сейчас она боялась заговорить с Блудом напрямую.

— У вас всех пять минут, — сказал он.

Ася и Зоар уже выбрались из гроба наружу. Рин поспешила за ними. Её окружила прохладная свежесть, и радость была такой сильной, что на мгновение захотелось застыть на месте. Она бы так и сделала, но у самой повозки стоял Блуд и смотрел прямо на неё пустым взглядом. Избегая его взгляда, она обошла Блуда на безопасном расстоянии и придвинулась к Асе и Зоару. Те прятались за повозкой. Рин встала рядом с ними и закрыла глаза, позволив себе эту спокойную минуту счастья. Ночной ветерок приятно обдувал ее разгоряченное лицо Рин было так хорошо, что на мгновение она забыла о похитителях, о тесном и душном гробе и даже об угрозе смерти. Как мало ей нужно для счастья! Всего лишь свежий воздух.

Приоткрыв глаза, она огляделась. За повозкой виднелись кусты, почти неразличимые в темноте, и только дорожка между ними была освещена почти полной луной.

За спиной Блуда уже стоял полноценный лагерь, около пяти палаток, костёр, дым от которого поднимался высоко в небо. Рин обошла повозку, стараясь не попадаться Блуду на глаза. И, справив нужду, как остальные, отошла дальше, всматриваясь в темноту. Луна выхватывала углы камней. Землю укрывала тень. Разглядеть почти ничего не удавалось. *Может, это и есть Проклятое кладбище?*

Ей захотелось отойти от повозки и посмотреть ближе, но тут послышались шаги. Рин чуть повернула голову и увидела Блуда, который только что обошёл повозку с её стороны. Он остановился, впившись в неё взглядом.

— Возвращайся внутрь, — приказал он.

Рин не спешила выполнять приказ. Она выпрямилась, поправила юбку и отряхнулась. А потом медленно обошла повозку с другой стороны, переступив через длинные оглобли, оставшиеся лежать на земле, после того как распрягли и увели лошадей Ася и Зоар уже стояли возле двери их гроба.

— Спасибо, господин, — прошептал Зоар Блуду, прежде чем забраться внутрь. Ася полезла следом.

Но Блуд на них не смотрел. Он перешёл на другую сторону повозки, чтобы видеть Рин. *Что его заинтересовало?* Он так удивился, что она знает его имя? В этом дело? Она остановилась, не подходя слишком близко, и он отступил на шаг, чтобы она могла забраться внутрь гроба.

— Позволь, — сказала Рин, проходя мимо Блуда, *кусоч дерьма*, и подняла колено, чтобы забраться в гроб.

— Откуда ты знаешь моё имя? — спросил он, пристально за ней наблюдая.

— Я провидица, разумеется, — сказала Рин, не подумав.

Блуд среагировал в тот же миг. Он схватил её за запястье и сильно сжал. Рин опустила ногу, повернулась к нему, изумлённо подняла брови. Он выглядел потрясённым. Глаза широко раскрыты. Он стиснул челюсть так, что заходили желваки.

— Нет. Вы все целители. Мы проверяли.

— Видимо, плохо проверяли, — ответила она.

Он сжал её руку сильнее и притянул к себе, глядя так, будто готов её раздавить. Рин едва сдержала стон.

— Она целительница, господин! — закричал Зоар. — Она вылечила мне руку! Пожалуйста, не делайте ей больно! Я не вру!

Какой глупый мальчишка. Рин цокнула языком. Значит, им нужны целители. Её шутка дала ей больше, чем она рассчитывала.

— Отвечай мне. Немедленно. — Блуд крепко держал её руку и придвинулся ближе. — Или я позову этого кретина обратно и дам ему с тобой позабавиться, а сам посмотрю.

Он говорил злым шёпотом, и Рин ему верила.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Как и подобает благородному человеку, — прошептала она.

Когда она встретила его впервые, он спокойнее реагировал на неё. Но, похоже, здесь она задела его за живое. Что ж, это она понимала. В конце концов, он называл себя благородным, а благородного в нём не было ничего. Блуд стиснул зубы. Глаза стали такими злыми, что ещё миг, и он либо ударит её, либо позовёт громилу. Рин не была настолько глупа, чтобы это проверять.

— Моя сестра. — Рин опустила голову, вспомнив слова Аси о том, что взгляд в глаза это вызов. — Рин. Арина велела мне тебя избегать. Она хорошо тебя описала. Даже показала, как ты выглядишь.

— Что? Хочешь сказать, ты правда Сонах? — Он мотнул головой, всё ещё нависая над ней.

— Зачем мне врать? Моя сестра Арина Сонах. Мой брат Акимир Сонах.

Она по-прежнему избегала смотреть ему в глаза, потому что лишние неприятности сейчас были ни к чему. Он мог смять её в любой момент. Он разжал пальцы и отпустил её руку. Вот теперь и надо было забраться в свой гроб, спрятаться от него и ждать, пока все уснут. Она почти так и сделала. Но пауза затянулась. Он не сказал больше ни слова, и она подняла глаза. Он выглядел сомневающимся. Рин улыбнулась и тихо добавила шёпотом:

— Те, кто убьёт тебя, когда ты вернёшься в Ису.

Она — идиотка, она это знала, но держать рот закрытым не могла.

Блуд был так ошарашен, что это выглядело почти смешно.

— Убьёт меня? Твой брат? Парень и ударить-то нормально не может.

— Верно, он не боец... Он просто тот, кто владеет Калабхити. Напомни-ка. У тебя есть оружие, способное выстоять против неё?

— Ты слишком много говоришь для Ясной.

Ну да, конечно. Рин не ответила. Она это знала, тут он прав. Хотя, настоящая Дарка говорила вдвое больше, и смысла в этом было куда меньше. И уж с ним она точно не стала бы разговаривать. Больше всего Рин злило, что сестра боялась бы его. Но это ужасно! Дарка, она сама, даже Ася — никто из них не должен его бояться. Это просто нечестно.

— Залезай, — сказал он, наконец, отпуская её.

— Хочешь ещё одно пари? — спросила Рин.

Блуд расширил глаза и смотрел на неё, не двигаясь. Похоже, он понял это не так, как ей хотелось. И это была целиком вина Рин: пока что роль Дарки удавалась ей плохо. Она прикусила губу, ругая себя. *Что она несёт. Ещё одно пари?* Прозвучало так, будто она продолжает их старый разговор. Она что, поглупела в теле сестры? Да что ж тако! Ещё одно пари.

Он молчал, и в тишине слышались голоса из лагеря, волчий вой и стрёкот сверчков. Рин напряжённо думала: что бы сказать, чтобы не подставиться.

— Рин, моя сестра, рассказала мне, что ты заключил пари... Знаешь, мы сёстры и настолько близки, что она рассказывает мне всё о своей жизни. Абсолютно всё..., — сказала она, оставив последнее слово висеть в воздухе.

Блуд выдохнул и огляделся. Взгляд его скользнул по Рин. Он на миг отступил, а потом и правда протянул руку, как дворянин, помогающий даме сесть в карету. Жест был нелепый: перед ней стоял просто большой деревянный ящик на колёсах, и чтобы попасть внутрь, нужно было залезать. Так что руку его она полностью проигнорировала, но он всё же помог ей, поймав дверцу, которая всё моталась и била по боку ящика. Блуд вежливо ей улыбнулся и сказал:

— Прошу, леди Сонах. Забирайся внутрь и поспи. Завтра в полночь ты умрёшь, чтобы спасти нашу землю.

— Это тебе джунгурец сказал? Что моя смерть спасёт Аталию? — Рин выдержала паузу. — И ты ему поверил? Ха. Аталиец доверяет джунгурцу, который заявляет, что хочет спасти Аталию.

Рин подняла глаза к тёмному небу, будто смакуя только что сказанное, а потом добавила с искрой иронии в голосе:

— Рин была права: с образованием у тебя и правда беда.

Слишком далеко. Слишком далеко. Слишком далеко.

— Что? — выдавил он.

— Рыжий — джунгурец. Ты же это знаешь?

Судя по его виду, не знал.

— Как думаешь, почему он меня ударил? — Рин понизила голос, чтобы больше никто не услышал. — Он сам признался, что он джунгурец, и он ненавидит моего отца. Ты работаешь под началом джунгурца. Надеюсь, король... а!

Она вскрикнула, голову рвануло назад: он вцепился ей в волосы так, что казалось, вырвет их с корнем. Наконец он забросил её обратно в ящик и захлопнул дверцу на крюк.

— ТЫ ПРЕДАТЕЛЬ! — закричала она в закрытую дверцу, тяжело дыша. В отчаянии она ударила кулаком о дверь. В ответ она слышала удаляющиеся шаги Блуда.

Глава 7. Ночь

Природа всегда живёт по собственным законам. Ей нет дела до похищенных, до тех, кто спит, и до тех, кто лежит без сна, глядя в никуда и ожидая рассвета.

Тучи, ещё тяжёлые внизу, уже расходились. И в просветах сияли тысячи звёзд, вызывая восхищение у тех, кто осмелился поднять голову и взглянуть на небо. Луна хотела быть частью этой картины, она серебрилась сквозь облака в надежде, что её сияние дойдёт до них, и облака подарили ей ещё один просвет.

Под этой поразительной картиной расплзалась тьма, встречая незваных гостей. Из руин древнего места выползали лозы. Они вились, как змеи, и больше походили на чёрный туман, под которым скрывалось что-то ужасное. Они двигались медленно, окружая лагерь, тянулись к костру, которого давно уже не было. Там, где они касались травы, та в тот же миг обращалась в пепел. Забирая жизнь у неё до конца.

Стрекотание ночных сверчков в кустах звучало в унисон и скрывало смерть, крадущуюся рядом. Лошади беспокойно мотали головами. Они пятились от тумана насколько позволяли привязи и тянулись к лесу. Далеко в темноте блеснула пара золотых глаз. Они принадлежали единственному зверю, который не побоялся подойти так близко к проклятому месту.

Высокая мужская тень шевельнулась, нарушив ночную неподвижность. Мужчина стоял, привалившись к тонкому дереву, вдавливая в него громадное тело так, что ствол прогибался и скрипел, грозя в любой миг переломиться. Мужчина, похоже, этого не замечал. Он харкнул, сплюнул на землю и поднёс к губам флягу, отпив с наслаждением.

На нём были тяжёлые сапоги с шипами, сделанные для плохой дороги, шнуровка шла до колен стёганных подштанников. Старая рубаха висела расстёгнутой, открывая редкую поросль на груди, слипшуюся от грязи. На шее был повязан потёртый платок.

Он озибался по сторонам, будто чего-то ожидая, и его мутный взгляд то и дело скользил в сторону лошадей. На их странном поведении он не задержался. Его глаза остановились на большом деревянном ящике, приколоченном к днищу повозки. Тот стоял в полной темноте, и в тусклом лунном свете различались только его края. Мужчина не мог этого видеть, но лозы тумана не тянулись к этому месту, словно опасаясь его.

В груди поднимался жар, но терпения ему было не занимать. Сделав ещё глоток, он глянул на луну. Та опускалась ниже, скоро встанет солнце. *Пора.* Он вытер рот, наконец, оттолкнулся от дерева и качнулся на шаг вбок. Мутный взгляд нашёл повозку, и он двинулся к ней, покачиваясь на ходу.

С каждым неровным шагом сдерживаться было всё труднее. Те голубые глаза, полные страха и боли, его преследовали. Зрелища лучше не было. Ничто не сравнится с женщиной, лежащей под ним, которая кричит и умоляет его о пощаде. Представив это, он едва не побежал от нетерпения, но на последнем шаге снова споткнулся. Сглотнув, он поднял флягу и сделал ещё один долгий глоток. Поднёс опустевшую флягу к уху и поболтал: проклятие, мало взял. Наконец, облизнув губы, он потянулся к крюку на двери и сбросил его. Распахнул дверцу. Та глухо ударилась о другой бок ящика.

На мгновение он застыл, слегка покачиваясь, вглядываясь в зияющую темноту внутри. Он только надеялся, что никто там не заорёт и не испортит ему веселье до того, как он начнёт. Проклятый Фурина. Свиньёй его назвал? Сволочь. Жаль, нельзя зайти к нему в палатку и всадить нож в горло, чтобы этот сопляк знал своё место. Не дорос ещё приказы раздавать.

Темнота стояла такая, что он полез за своим маленьким световым артефактом. Прежде чем включить его, он обернулся к лагерю, чтобы убедиться, что снаружи никого. Ночь была тихой. Холодный ветер прошёлся по разгорячённой коже, но остудить голову не сумел. Ему нужно было совсем другое.

Мутный взгляд скользнул по лицам в тусклом свете. Светловолосая спала у самого выхода. Ноги чуть разведены, руки между коленей, будто уже заманивает его. Голова запрокинута, грудь едва вздымается, рот приоткрыт, и ему сразу захотелось засунуть ей пальцы в рот и посмотреть, как глубоко она их примет.

Ррр... Он мотнул головой, уже представляя, как будет горячо, как она будет извиваться под ним и визжать. Он приоткрыл рот, задышал тяжелее, и только тогда заметил, что вторая проснулась.

Она на него не смотрела. Глаза опущены. Покорная, такие его не интересовали. Такая просто лежала бы под ним без всякой реакции и ждала, пока он закончит. Слишком скучно. Хе-хе. Он поднёс палец к губам и дождался от неё кивка.

Наконец он влез внутрь, и повозка качнулась под его весом. Светловолосая распахнула глаза. Прийти в себя он ей не дал. Протянул руку размером с её лицо, крепко схватил и потянул к себе. Она забилась, ноги замолотили по воздуху, пока она пыталась вырваться из его хватки. Раздражённо цокнув языком, он прижал её к себе и только тогда увидел, что мальчишка тоже проснулся. Тот смотрел на Корла и скулил. Ясная зажала ему рот и что-то шептала. *Умная тварь*. Таких немного.

— Один звук, — прохрипел он, прижимая светловолосую спиной к своей груди и стискивая её лицо, — и я тебе сделаю куда хуже.

Он закрыл дверцу и вернул крюк на место.

— Тш-ш, надо спешить. Пока этот сопляк не влез, — прошептал он, обдавая горячим дыханием ухо светловолосой.

Всё так же покачиваясь на ногах, слишком расслабленных, чтобы держать его прямо, он двинулся к роще. Он держал её лицо, не давая издать ни звука. У неё вырвался сдавленный писк, ноги били по воздуху, по его коленям. Но светловолосая была такой тощей и маленькой, что он этого даже не чувствовал. В голове была одна мысль: уйти как можно дальше, чтобы им никто не помешал. Он не хотел стать причиной смерти какого-нибудь аристократа и провести свои дни в ссылке, в боях или в тюрьме. А если Фурина помешает ему ещё раз, он его убьёт.

Ясная взвизгнула, и одного этого звука, даже приглушённого, хватило, чтобы кровь у него закипела.

Наконец он дошёл до рощи. Он шёл прямо через сухой подлесок, позволяя ветвям царапать женщину и хлестать её по лицу, пока не выбрался на дорожку, где деревья росли реже. Он шёл дальше, чтобы, если она всё-таки сумеет закричать, её никто не услышал. Она продолжала вырваться, по лицу текли слёзы. И, не в силах больше сдерживаться, он остановился перед большим деревом. Огромные корни выступали из земли и расходились широко. Место было идеальное. Свободной рукой он сдёргнул с шеи платок. Чуть ослабил хватку и начал заталкивать его ей в рот.

Потом он рухнул между корней, прижав её к груди. Она была такой мягкой под ним, кожа гладкая. Жаль, что не было времени растянуть удовольствие. Приподняв её, он прижался лицом к её лицу, задрал её голову. Она рыдала сквозь кляп и дёргалась. Всё её тело дрожало, и это только сильнее его заводило. Выхватив из кармана верёвку, он обмотал ей руки, скрутив их за спиной, чтобы не мешали. Он даже не стал завязывать, просто затянул потуже и бросил её на спину. Придавив её ладонью, он посидел над ней. Мутные глаза прошли по её крепкому телу. Опираясь весом на её живот, он свободной рукой достал флягу и глотнул.

— Куда торопиться, а?

В полутьме рощи её глаза казались темнее, чем раньше. Они смотрели на него с мольбой, слёзы текли, как дождь. И, проклятие, ждать он больше не мог. Он отшвырнул флягу и переместился на колени.

— Шлюха, — выдохнул он, опуская лицо к её животу, хватая её ноги и проводя по ним ладонями, задирая юбку.

Она напряглась и зажмурилась. Он это заметил и в тот же миг оказался сверху, стиснув её лицо:

— Смотри на меня, — прохрипел он. — Смотри на меня. Хочу видеть твои глаза.

Она открыла испуганные глаза, совсем красные от слёз. Он лизнул её щёку, чувствуя, что возбуждение на пике, и сдвинулся, разводя ей ноги. Сполз ниже, вдыхая её горячий запах, мускус и землю от молодого тела. Он любил женщин без прикрас. Запахи духов его всегда раздражали. Он усмехнулся, рыкнул ей в живот и двинулся дальше, даже не стянув с неё бельё. Сначала вдохнул, потом издал звериный рык. Он лизнул её через ткань и опустил руку.

Рин

Рин трясло от отвращения. Если бы не кляп, её бы уже вырвало. Сознание закрылось и кричало, не в силах сдержаться.

Сил не осталось. Камни и сучья впивались в руки и спину, когда он придавил её. Болело всё. Она чувствовала его язык и влагу сквозь ткань. Она стиснула зубы, пытаясь свести ноги. Оттолкнуть его.

Муне...

Рин смотрела вверх, в крону дерева. Потом почувствовала, как он потянулся к её белью, и вскрикнула. Она даже не сразу поняла, что его больше нет сверху, и что никто не тянет её одежду. Она сжала ноги и перекатилась на бок, свернувшись клубком, подтянув колени, и её трясло от рыданий, которые заглушали всё остальное. Руки за спиной выкручивало от боли.

Ублюдок матерился где-то рядом. И Рин, захлёбываясь рыданиями, наконец, нашла силы посмотреть. Он стоял на коленях со спущенными штанами, и его достоинство болталось так же дико, как хвост зверя у него на голове. Это был комок шерсти с длинным серым хвостом. Мокша. Зверь извивался, царапал его острыми когтями, кусал за уши. Кровь уже текла по мерзкой роже, когда ублюдок взревел и схватил Мокшу за хвост. Но лемур вцепился зубами ему в губы и прокусил насквозь.

Рин смотрела, как кровь стекает по шерсти Мокши на землю. Громила зажмурился от боли. Губы у мерзавца кровоточили, и он ослабил хватку. Мокша рычал. Всхлипывая, Рин заставила себя сесть. Она дёргала руками, пытаясь выпутаться из верёвки.

Наконец руки выскользнули, Рин кое-как, опершись на руки, поднялась и огляделась. Надо помочь Мокше, иначе этот пьяный урод убьёт его. Рин подняла с земли большую корягу, размахнулась со всей силой ударила его между ног. Его дикий вопль вызвал в её душе отклик злобной радости. Мокша отпустил его и спрыгнул на землю, И Рин принялась отчаянно бить пьяного уродца по голове, снова и снова, рыча по-звериному, как он сам мгновение назад. Ублюдок взвыл, схватился за голову, захрипел. Он дергался, уворачиваясь от её ударов, выл по-звериному, матерился и грозился её убить. Но хоть и раненый, мерзавец все еще был жив и нес в себе угрозу. Рин огляделась и заметила у дерева россыпь камней. Она схватила самый большой камень подняла над головой ублюдка. Он приоткрыл глаза и что-то прохрипел, пытаясь увернуться. Поздно. Она изо всех сил ударила камнем его в висок. Тот сразу обмяк и замертво рухнул на землю.

В её собственной голове зазвенело. Боль прострелила висок ровно там, куда она его ударила. Рин отползла, глядя на него выпученными глазами. Мокша вскарабкался ей на руки, пища и тычась в неё. Рин даже не смогла отреагировать. Губы дрожали от омерзения, когда она вытащила изо рта мерзкую тряпку, стиснула её в кулаке и швырнула о землю.

Только тогда она опустила глаза на Мокшу. Шерсть у него пошла клочьями от крови, и его трясло не меньше, чем её. Рин подхватила лемура, поцеловала, начала укачивать и вдруг заплакала.

— Мокша, — прошептала она сквозь слёзы.

Мокша прижался к ее плечу и тихо поскуливал.

Вытерев глаза, она огляделась. Кругом были только деревья и сухой подлесок. А между желтеющих листьев небо уже становилось серым. Приближался рассвет. Это был её шанс бежать. Тот самый шанс, которого она ждала, и упустить его было нельзя. И всё же она не двинулась. Она смотрела на тело насильника, раскинувшееся в грязи лицом вниз и чуть скрюченное. Штаны так и остались спущены, и на поясе у колен виднелась рукоять ножа.

Такой человек не заслуживает жить. Не заслуживает!

Отставив Мокшу, она подползла и вытащила длинный клинок из-за его пояса. Она стиснула его обеими руками, глядя на его омерзительное тело. Сердце колотилось так, будто вот-вот выскочит. Она шмыгнула носом, поднося клинок к его шее и собираясь вонзить.

Загнуть его в шею по рукоять было бы так просто. Он это точно заслужил. Чем дольше она смотрела, тем сильнее тряслись руки. Наконец, зажмурившись, она замахнулась, готовая всадить нож. Не успела. Волна света затопила сознание и принесла боль, какой не было ещё никогда. Нож выскользнул из пальцев, и она осела на землю.

И только тогда пробила мысль. Посреди всего отчаяния и омерзения она вдруг поняла. Боль, которую она чувствовала, всё это безумие, была не реакцией Дарки на плохих людей. Это тело Ясной отторгало Рин и её тёмные мысли. И если она убьёт этого человека, то нанесёт Дарке непоправимый вред.

Нет. Она никогда не станет рисковать благополучием сестры ради мести. Свести счёты можно будет позже, когда она вернётся в собственное тело. Наконец, опершись на руки, она медленно встала.

— Пойдём, Мокша. Пора вернуть тебя Дарке, — прошептала она.

Глаза лемура в ответ засветились, и вокруг него разлилось слабое мерцание Ясных. Он смотрел на неё снизу вверх с чистой преданностью.

Её маленький герой.

Часть II. Крушение

Глава 8. Морт

Впереди на дороге блеснула широкая лужа. Морт заметил её в последний момент. Он с силой натянул поводья, останавливая коня. Его люди остановились позади.

Утренний туман стелился над землёй. По обе стороны дороги уходили вдаль дикие поля с высохшей травой. Дальше виднелись рощи и заросли. Морт объехал вокруг и заметил неладное. Трава была явно примята, повсюду следы. А глубоко вдавленная колея от повозки обрывалась прямо перед лужей.

Здесь что-то разбилось.

Порыв ветра обдал холодом. Морт прикидывал, стоит ли терять здесь время, которого и так в обрез, когда увидел в траве у самой дороги крупное животное. Он подъехал ближе, пытаясь разглядеть его сквозь туман. Это оказалась мёртвая лошадь. Морт пригляделся – задняя нога лошади была сломана.

— Привал пять минут! Напоить лошадей! — приказал он, спрыгивая на землю, чтобы осмотреть место.

К этому времени все вымотались, короткая передышка не помешала бы. Всю ночь они провели в дороге, преследуя похитителей. Слишком долго Морт добивался разрешения покинуть город, потом собирал отряд и всё необходимое. Выехать удалось всего за час до заката. Ещё немного, и пришлось бы остаться в Исе на всю ночь, а тогда в погоне не было бы уже никакого смысла.

Морт достал световой артефакт, чтобы лучше разглядеть отпечатки следов, и ступал осторожно, стараясь их не затоптать. Он осмотрел землю и присел перед одной цепочкой следов. Шаг ровный, отпечатки глубоко вдавлены в грязь. Он задержал на них взгляд. Некроманты Ордена носили довольно типовые сапоги, хотя и не такие, как у стражи. Воевать им приходилось в скверных условиях, ходить по трупам. Подошвы были подбиты шипами, которые не давали поскользнуться в грязи и в крови на поле боя. Он провёл пальцами по отпечатку. В знак службы королю шипы на носке подошвы были выложены в форме когтя стервятника.

Эти следы точно принадлежали некроманту Ордена Исы. Морт поднял голову и посмотрел вдоль дороги. Она вела к лесу Синамы и городу Учуре, за которым проходила граница с Сахалией. Сахалия и Аталия всегда жили в мире. Нежити в этих землях не водилось, защищать Учуре было не от кого... Значит, след некроманта вёл в лес Синамы... туда, где проводят ритуалы.

Неужели Ясных похитили офицеры Ордена?

Он усмехнулся абсурдности происходящего. Это было бы прямым нарушением королевского приказа, и всё же Морт сомневался, что виновные по-настоящему заплатят за такое преступление. Все офицеры Ордена занимали довольно высокое положение, и даже если они замешаны в похищении Ясных, привлечь их к ответу будет непросто. А если и удастся, худшее впереди: сначала доказать вину. Потом надеяться, что у виновных нет связей в Королевском совете.

По привычке он потянулся к поясу и взял артефакт Мяуна. Штуковина оказалась бесполезным хламом. И стоил этот хлам безбожных денег. Он собирался вернуть департаменту потраченное. Он семь кругов ада прошёл, объясняя, куда уйдёт сотня золотых, и из-за этого барахла, скорее всего, лишился права запросить крупную сумму ещё на пару лет вперёд.

Морт был уверен, что эта дрянь не работает. Надо было хотя бы заставить Мяуна поехать с ними. Может, тот знал бы, почему штука не действует даже вдали от Исы. Он вытащил прибор и взгляделся в стрелку.

Ночью он то и дело сверялся с ним, и большую часть пути стрелка указывала на Ису. Когда миновали дорогу, уходящую на восток, она совсем потеряла цель и просто закрутилась на месте. *Бесполезная дрянь*. И тут стрелка вдруг дёрнулась: закрепиться на одной точке она по-прежнему не могла, но задрожала и указала в сторону леса Синамы.

— Капитан. Все готовы.

Морт обернулся к Дуги, своему подчинённому. Вид у него был ошалелый, глаза после бессонной ночи вылезали из орбит.

— Собирай всех. У леса Синамы придётся разделиться, — распорядился Морт.

Он подошёл к своей лошади и вытащил из седельной сумки потёртую карту Аталии. Стянул перчатки, чтобы грубая ткань не потрепала её ещё сильнее, и развернул карту, прижав к боку лошади. Та переминалась с ноги на ногу и раздражённо дёргала мордой.

Морт изучал отмеченные им маршруты и ждал, пока соберутся остальные. Ещё одну остановку он делать не собирался. Разделиться придётся до подхода к лесу Синамы.

— Аджал! — окликнул он, поворачиваясь к первому офицеру. — Бери пятерых и двигайтесь к месту резни выше Учурри. Остальные со мной, проверим святилище и кладбище. — Он постучал пальцем по отметкам. Офицер кивнул и подошёл ближе. — Найти это место будет не просто. Идите по любым следам, какие попадутся, и обыщите каждое место.

Рин

Рин двигалась медленно, продираясь сквозь заросли и раздвигая ветки руками. Всё тело было напряжено. Она вздрагивала от каждого звука, замирала и оглядывалась: не проснулся ли этот скот, не идёт ли следом. Нервы были на взводе. Зрение оставалось острым, но что перед ней, она почти не осознавала.

Мокша забрался ей на плечи и вцепился в волосы. Тепло его живота и быстрый стук сердца приводили её в чувство, напоминали, где она и что поставлено на кон. Сейчас это маленькое сердце было единственным, что заставляло её идти дальше.

Путь, по которому её волок этот гад, читался легко. Он оставил безошибочные метки: сломанные ветки, вытопанную траву. Она шла обратно, и с каждым шагом сомнения давили сильнее. Что, если кто-то уже проснулся? Может, просто бежать? Дальше в лес? Зачем рисковать ради лошади? Она остановилась и на секунду закрыла глаза. Лес мог быть опасен, а пешком шансов уйти меньше.

Заставив себя успокоиться, она добралась до опушки и присела в траве. Первыми в глаза бросились лошади. Они, казалось, нервничали не меньше её: тянули привязь, пытались попятиться, били копытами. Будто силились отпрянуть от чего-то. Рин вытерла нос, попыталась увидеть то, что видели они, и не смогла. Впереди ничего не было.

— Мокша, что с ними? — прошептала она, оглядываясь по сторонам. Лагерь выглядел спокойным. Наружу пока никто не вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.